

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

П Р И Б А В Л Е Н І Я КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ

ГОДЪ ХУІІІ.

№ 9

І МАЯ І.

С Л О В О

НА БЛАГОВЪЩЕНІЕ ПРЕСВЯТОЙ ВОГОРОДИЦЫ

*Днесь спасенія нашего главица,
и еже отъ тѣка ташелова — явленіе
Сынъ Божій Сынъ Дѣвы быодеть
(Тропарь праздника).*

Нынѣ мы празднуемъ деньъ Благовѣщенія, отъ котораго мы вѣстиясь воплощеніемъ *Господа Іисуса Христа* и какъ Сынъ Божій, началось наше спасеніе, то естьъ возстановленіе падшаго естества меловѣческаго. Но, если Господь всевидущъ, то онъ вѣчно отъ вѣчности предвидѣлъ наденіе и отъ вѣчности же предъопредѣлялъ, какъ и испуитъ насъ отъ грѣха, чтобы возстановитъ наше падшее естество. Такое заключеніе подтверждается и писаніями Апостольскими. Такъ напр. Апостоль Павель, разсуждая о дремудрости, съ какою Богъ Отець ярьзъ Сына своего совершилъ дѣло нашего спасенія, говоритъ: что эту премудрость Богъ предустави прежде тѣхъ (І Кор. II, 7). Апостоль Петръ называетъ Іисуса Христа *ташеломъ предъвѣдѣннымъ прежде сложенія міра* (І Петр. I, 20) и Ап. Іоаннь — *ашемъ, заколеннымъ отъ сложенія міра* (Апок. XIII, 8). То же говорятъ Апостолы и объ насъ,

какъ искупленныхъ Имъ. Апостоль Павесть говоритъ, что Богъ Отець избра насъ въ Немъ, Иисусе Христе прежде сложенія міра (Еф. 1. 4).

Если же Господь отъ вѣчности предопредѣлилъ искупить насъ, то почему не скоро приступилъ къ исполненію своего предвѣчнаго опредѣленія? По библейской хронологіи пять тысячелѣтій съ половиною прошло со времени грѣхопаденія нашихъ прародителей то есть отъ начала всѣхъ золъ, коимъ подвергся родъ человѣческой, до времени благовѣстія Архангела о рожденіи Спасителя. Итакъ почему Сынъ Божій пришелъ на землю, по прошествіи столь долгаго ряда вѣковъ, когда зло, отъ котораго Онъ пришелъ спасти насъ, существуетъ почти отъ начала бытія рода нашего? Спасеніе наше есть дѣло величайшей важности; для совершенія его потребны были великія приготовленія. Судя по событіямъ всей ветхозавѣтной церкви, можемъ заключить, что пришествіе нашего Спасителя отложено до столь поздняго времени съ тѣмъ во 1-хъ чтобъ явленіе Его, какъ Спасителя всего міра было какъ можно ближе къ срединѣ временъ бытія рода человѣческаго, такъ чтобъ преданіе объ Его пришествіи, Его ученіи, дѣлахъ и бывшихъ надъ Немъ чудесныхъ знаменіяхъ свыше могло достигать до самыхъ позднихъ родовъ; во 2-хъ чтобъ дать время обнаружиться всему злу, какое таится въ глубинѣ грѣхомъ растлѣннаго естества человѣческаго, и дать время людямъ самимъ прозрѣть всю бездну, изрытую грѣхомъ нашихъ прародителей, испытать собственныя силы въ борьбѣ съ грѣхомъ и его послѣдствіями, признать собственное безсиліе и потребность въ Избавителѣ, о которомъ шло преданіе отъ начала бытія рода человѣческаго; въ 3-хъ, чтобъ прежде нежели явится Спаситель міра для совершенія нашего спасенія, и Его Божественное лице, и всеѣ обстоятельства Его пришествія, и будущія дѣла Его, и спасительныя плоды ихъ, примѣняясь къ событіямъ каждаго новаго періода времени, изобразить въ пророчествахъ и прообразахъ,—по которымъ

всѣ могли бы признать въ пришедшемъ своего Спасителя; въ 4-хъ, что бы избранный народъ, изъ среды котораго надлежало придти Спасителю, усилья войти въ общеніе со всѣми окружающими его народами земли, — по всюду оживать древнѣйшее преданіе о грядущемъ Избавителѣ и чрезъ то всѣхъ, — болѣе, или менѣе приготовить къ Его принятію; и наконецъ въ 5-хъ, чтобы всѣ народы вошли въ болѣе или менѣе близкое общеніе между собою относительно языка, релігіозныхъ воззрѣній и властей ихъ объединяющихъ. Вотъ что нужно было, чтобъ предрасположить человечество къ принятію Спасителя.

Но если со времени только воплощенія Сына Божія положено начало нашего спасенія, то чтоже думать о всѣхъ не дожившихъ до сего времени? Неужели они не участвуютъ въ спасеніи, которому чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ нихъ положено начало? Нѣтъ; всѣ они получили участіе въ великомъ дѣлѣ спасенія, такъ какъ въ лицѣ Сына Божія общаю было спасеніе всего міра; искупительная сила жертвы Сына Божія простирается не только на настоящія и будущія роды, но и на всѣ прошедшія. Какимъ же образомъ? Такъ же какъ и мы, по вѣрѣ въ Него. Многіе изъ нихъ еще до пришествія Его вѣровали въ Него, какъ въ грядущаго своего Спасителя, которые подобно Аврааму во всѣхъ своихъ жертвахъ духомъ прозирали жертву, самаго обѣщаннаго имъ Спасителя и въ крови этихъ жертвъ, окроплялись, очищающую насъ отъ всѣхъ грѣховъ. Когда Іудеи возразили Господу Иисусу Христу: неужели Ты больше отца нашего Авраама, Онъ имъ отвѣчалъ: Авраамъ отецъ вашъ радъ былъ увидѣть день мой и увидѣлъ и возрадовался (Іоан. VIII, 54); хотя по смерти всѣ и праведники того времени нисходили во адъ, но, низходя туда съ этою вѣрою, по силѣ вѣры своей, и тѣмъ на лонѣ Авраама, уже предвкушали блага небесныя, утѣшая себя надеждой избавленія и вѣчнаго соединенія съ своимъ Спасителемъ, чтобы въ Немъ сдѣлаться причастниками всѣхъ

объясненныхъ благъ. Упомянувъ о некоторыхъ ветхозаветныхъ праведникахъ, получившихъ свидѣтельство своей праведности въ вѣрѣ, А. Павелъ замѣчаетъ при этомъ, что всѣ они еще получили здѣсь всего обѣщаннаго, потому что Богъ предку уже готовилъ для насъ вѣчто лучшее, чѣмъ для нихъ, дабы они безъ насъ достигли совершенства (полнаго обѣщанія) (Евр. XII, 39—40). А когда и самъ Спаситель міра, совершивъ дѣло спасенія на землѣ, нисшелъ во адъ духомъ своимъ, тогда поглотило всѣ вѣровавшіе, но многіе изъ тѣхъ, кои въ продолженіи всей своей жизни земной не вѣровали въ Него, принявъ Его съ вѣрою, изведены въ Его вѣчное блаженное царство. Такъ о семъ должно думать на основаніи словъ Апостола Петра: Бывъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ, оговоришь оны, оны и сущимъ въ темницѣ духовомъ сошедши проповѣда, какимъ еще? *Противопоставимся иногда, издающеи даше Божіе долготерпѣніе, по дни Ноеви днѣмъу ковчегу* (Петр. III, 18—20). Если и такимъ душамъ Господь тамъ проповѣдывалъ, каковы были души современниковъ Ное, то безъ сомнѣнія и всѣмъ прочимъ, имъ подобнымъ, и кто изъ нихъ съ вѣрою принялъ Его проповѣдь, таковыя конечно всѣ получили избавленіе.

За сѣмъ можно еще спросить: почему же не раньше, а именно со дня благовѣщенія положено начало нашему спасенію? Почему Господь не отложилъ совершеніе нашего спасенія на дальнѣйшее время? Потому что въ это время, когда послѣдовало благовѣстіе о пришествіи въ міръ Спасителя, весь міръ болѣе или мѣтѣе былъ уже приготовленъ къ Его принятію. Нужно было освѣтить всю безднузла, какое кроется въ глубинѣ растлѣннаго естества человеческого, это и сдѣлано: съ какихъ сторонъ не освѣщена эта бездна? Въ какихъ видахъ въ то время зло не обнаружилось? Нужно было возбудить чувство собственной бѣдности и собственного безсилія къ исправленію этого зла каждому въ себя и въ другихъ, и это сдѣлано; не признали ли его самые мудрецы

мира, когда одинъ изъ нихъ сказалъ, что развѣ самъ Богъ сойдетъ на землю, чтобъ исправить и просвѣтить родъ человеческій. Слово Божіе со всѣми заключающимися въ немъ обстоятельствомъ и пророчествами о пришествіи Избавителя изъ среды народа Божія, сдѣлалось уже извѣстнымъ болѣе или менѣе всѣмъ язычникамъ, какъ тѣмъ, кои были инокгда въ порабощеніи у народа Божія, такъ и тѣмъ, у которыхъ самъ народъ Божій находился въ плѣну; отъ чего умы всѣхъ сильно возбуждены были ожиданіемъ новаго и лучшаго порядка вещей, всѣ древнія преданія объ Испушителѣ и о возвращеніи золотого вѣка сдѣлались всюду *господствующими* и взоры всѣхъ обращены были на Иудею, такъ что множество язычниковъ, по словамъ древнихъ историковъ, около сего времени часто стали приходить въ Иерусалимъ съ цѣлію увидѣть Избавителя міра или, по крайней мѣрѣ услышать что нибудь объ Его явленіи. Значить все было устроено и приготолено къ пріятію Спасителя, и вотъ Господь не замедлилъ своимъ прішествіемъ.

Итакъ со дня благовѣщенія мы должны считать только явленіе таинства воплощенія Сына Божія ради нашего спасенія, а самое таинство *дѣйствительно* отъ вѣка. Съ какого же вѣка? Со времени еще паденія нашихъ прародителей. Изрекая свой судъ надъ тѣмъ змѣемъ, по наущенію котораго они впади въ грѣхъ и поработили власти соблазнителя себя и свое потомство, Господь сказалъ: Я положу вражду между тобою и женою, между сѣменемъ ея и сѣменемъ твоимъ и ты будешь уязвлять его только въ пяту, тотъ же сокрушитъ тебѣ самую главу. Вотъ первоначальный видъ сего таинства! Послѣ потопа это древнее обѣтованіе о сѣмени жены повторено Аврааму, родоначальнику Изральтянъ; Иаковъ, внукъ его, на смертномъ одрѣ, возвѣстилъ двѣнадцати сыновьямъ своимъ, что обѣтованное сѣмя, явится именно въ царственномъ родѣ Иуды, но въ такое время, когда обѣщанный ему скипетръ отнимется отъ него; причемъ назвалъ это святое

сѣмя будущимъ примирителемъ, который соединитъ всѣ народы въ одинъ народъ Божій, и надеждою народовъ. Моусей, освободитель и вождь народа своего; пророкъ, законодатель, торжественно введшій народъ свой въ завѣтъ съ Богомъ, объявилъ ему, что послѣ него Господь воздвигнетъ имъ новаго пророка во всемъ подобнаго ему; во времена царей пророкъ Нафанъ называетъ его славнымъ потомкомъ Давида, — царемъ — котораго престолъ вѣченъ; самъ Давидъ, — такъ же царемъ, — Исая — вторымъ Давидомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ тотъ и другой пророкъ изображаютъ Его и священникомъ; а въ одномъ исаймѣ Давида, какъ и у пророка Исаи, это великое лице, пророкъ, вѣчный священникъ и славный царь изображается лицомъ пренебреженнымъ въ очахъ людей міра, — человекомъ, котораго многіе будутъ считать за человека, Богомъ отверженнаго, наказуемаго за свои грѣхи, тогда какъ Онъ будетъ страдать за ихъ грѣхи и въ ранахъ его имъ же исцѣленіе; пророкъ Давидъ, жившій въ концѣ семидесятилѣтняго плѣна народа Божія, называя этого Страдальца святымъ святыхъ и помазанникомъ, со всею точностію опредѣлилъ и время, когда онъ будетъ убитъ, за тѣмъ въ міръ должно будетъ последовать вездѣ прекращеніе жертвъ, утвердится новый завѣтъ, а Іерусалимъ, какъ и храмъ его, преданъ будетъ запустѣнію; онъ сказалъ, что это сбудется чрезъ 434 года, но обновленіи Іерусалима. Какой же новый завѣтъ долженъ былъ утвердить Господь по Его пришествіи? Объ этомъ у двухъ пророковъ сказано такъ: *Се грядутъ днѣ, говоритъ пророкъ Исаия отъ лица Его, и завѣщавоу дому Израилеву завѣтъ новъ: я дамъ законы моя въ мысляхъ ихъ и на сердцахъ ихъ напишу ихъ, и буду имъ въ Бога, и тѣи будутъ люди мои; излю отъ духа Моего на всяку плоть,* продолжаетъ объ этомъ другой пророкъ Іовль, такъ что *будутъ пророчествовать и сыновѣи вашѣи и дщери вашѣи и юноши ваша видѣнія увидятъ* (Допль II: 28). Законъ обрядовъ не менѣе таинствененъ, если не болѣе. Каждый годъ и даже каждый день Онъ напоминалъ Израиль-

тянамъ, что всё они подъ грѣхомъ и что всякій грѣхъ искупляется, не иначе, какъ только кровію и именно кровію жертвы. Изъ всѣхъ жертвъ подзаконнаго времени у Евреевъ важнѣйшія были двѣ жертвы въ день Пасхи и жертва въ день очищенія, кои совершались только разъ въ годъ, тогда какъ прочіе всё повторялись ежедневно, въ означеніе того, что когда-то, кѣмъ-то принесена будетъ такая жертва за грѣхи міра, которая разъ на всегда приобрететъ имъ вѣчное очищеніе отъ грѣховъ и вѣчное избавленіе отъ другаго какаго-то плѣна, коему Египетскій служилъ только слабымъ подобіемъ. Но какъ кровь жертвенныхъ животныхъ сама собою не могла очищать грѣховъ, то всякій долженъ былъ провидѣть, что эта кровь есть образъ крови какаго-то таинственнаго существа, святѣйшаго, какимъ не могъ быть на землѣ никто. Въ обрядѣ приготовленія первой изъ нихъ—пасхальной и въ употребленіи послѣдней—умилостивительной, приносимой въ день очищенія, столько загадочнаго, что всякаго благочестиваго и сколько нибудь способнаго къ размышленію невольно должно вызывать на глубокія думы. Пасхальный агнецъ у Евреевъ предъ ихъ выходомъ изъ Египта, долженъ былъ готовиться безъ разсѣченія на части и безъ преломленія ему костей—что всего для нихъ было таинственнѣе—долженъ былъ не положенъ, а ставимъ на поговъ въ видѣ распятаго. Его распяливали на деревѣ крестообразно и въ такомъ видѣ ставили на огонь. Что бы это значило? День очищенія былъ днемъ поста и покаянія, но оканчивался торжествомъ. Замѣчательна двойственная жертва этого дня. Къ алтарю предъ святилище приводили двухъ козловъ бѣлаго и чернаго. На послѣдняго, чрезъ возложеніе рукъ жреца отъ каждаго колѣна возлагались всѣ грѣхи народа; а бѣлаго приносили въ жертву и, когда первосвященникъ, по входѣ съ его кровію въ святое святыхъ, возвращался къ народу и преподавалъ ему благословеніе отъ лица Божія, въ это время козла, на котораго возлагались грѣхи народа, изгоняли куда нибудь въ дебри отъ глазъ народа

въ знакъ того, что Богъ удаляетъ отъ него все его грѣхи. Эти два козла были прообразомъ лица будущаго Искупителя, который, взявъ на себя грѣхи міра, какъ самъ, чистый отъ грѣха, принесетъ себя въ жертву умиловленія Богу и какъ бы унесетъ на себѣ все наши грѣхи. Два этихъ животныхъ, противоположныхъ цвѣтовъ, очевидно въ тѣснѣйшей связи между собою и образуютъ одно, имѣющее по естеству бѣлый цвѣтъ, но, по возложенію на него грѣховъ народа, черный. Чтожь это значить? Первосвященникъ, главный жрецъ, въ отношеніи къ которому все священники считались только помощниками, по закону, какъ и великое жертвенное животное, должно быть непременно изъ первородныхъ, въ кодьихъ перваго первосвященника, — Аарона; при его посвященіи, на него изливалось миро въ такомъ же обилии, какъ при помазаніи царей, но въ день очищенія, принесши жертву сперва самъ за себя, а потомъ другую — за грѣхи своего народа, съ этою кровію входилъ въ святѣйшее отдѣленіе храма, гдѣ стоялъ ковчегъ завета, какъ бы предъ лицемъ Божіемъ; какъ въ облаченіи уже не архіерея, а простаго священника, — какъ бы отъ лица высшаго архіерея. Не видно ли изъ всего этого, что и онъ, какъ и его жертва, служили прообразомъ одного таинственнаго лица и его таинственнаго служенія? Вотъ сколько было таинственнаго и въ изученіи древнихъ пророковъ объ обѣтованномъ спасеніи жены, и въ самыхъ Богослужебныхъ обрядахъ, въ которыхъ наглядно изображалось великое дѣло нашего, искупленія. Апостоль Навель справедливо называетъ все это тѣнію, или отбѣнкомъ будущихъ благъ, или просто — будущаго. И вотъ со дня благовѣщенія пресвятой Дѣвы Маріи, мало по малу, начинаетъ проявляться и это таинственное лице, которое, въ первомъ обѣтованіи, названо сѣменемъ жены, и все дѣло спасенія, которое она должно было совершить со всеми его послѣдствіями уже не для однихъ потомковъ Авраама и Иакова по плоти, но и для всехъ наслѣдовавшихъ ихъ плѣру. Приложите къ лицу Господа Иисуса Христа все черты, въ коихъ Онъ

изображается, какъ въ первомъ непосредственномъ обѣтованіи Божіемъ, данномъ первымъ нашимъ прародителямъ, такъ и все тѣ, въ какихъ Онъ изображается у различныхъ пророковъ; примыните къ дѣлу Его искупленія всю обрядовую часть древняго Богослуженія, и вы увидите, что все черты древнихъ пророчествъ совмѣстны въ Немъ, такъ что кромѣ Его, они совершенно не объяснимы, и все обрядовое Богослуженіе было действительно тѣнію того, что совершенно имъ для очищенія, освященія и соединенія съ Богомъ всякаго вѣрующаго въ Него. Онъ дѣйствительно сѣмя жены, ибо на землѣ не имѣеть отца. — Онъ-то Божественное дитя, которое должно было родиться отъ чистой Дѣвы, котораго по рожденіи назовутъ Эммануиломъ; по рожденіи т. е. котораго все скажутъ: съ нами теперь Богъ, такъ какъ Онъ есть Богъ въчеловѣчившійся. Это одно, что Онъ не просто челоѣкъ, но Богочелоѣкъ, уже объясняетъ все, что погзалось несомѣстимымъ въ таинственномъ лицѣ ожидаемаго Мессіи. Онъ есть тотъ примиритель, котораго Іаковъ на смертномъ одрѣ, родоначальникъ Израильтянъ, общалъ своимъ дѣтямъ, такъ какъ на крестѣ уничтожилъ или по выраженію Апостола Павла, убилъ всякую вражду, до толъ подобно стѣнѣ, отдѣлявшей народъ отъ народа, а теперь надежду всехъ вѣрующихъ къ какому бы народу они не принадлежали. Онъ—и тотъ великій пророкъ, во всемъ подобный Моусею, о которомъ пророчествовалъ самъ же Моусей. Послѣ меня, говорилъ онъ, *Богъ воздвигнетъ вамъ новаго пророка, подобнаго мнѣ; того вы слушайте: всякая душа, которая не послушаетъ Его, истребится изъ среды живыхъ.* И въ всехъ пророковъ, бывшихъ послѣ Моусея, никто не могъ называться во всемъ подобнымъ Моусею, кромѣ Господа Іисуса Христа. Подобно Моусею, Онъ извелъ родъ челоѣческій отъ порабощенія только важнѣе Египетскаго, — отъ вѣковаго порабощенія грѣху и смерти, подобно ему ввелъ насъ въ новый заѣтъ съ Богомъ только написанный не жезломъ на каменныхъ доскахъ, а въ мысляхъ и сердцахъ Духомъ Святымъ; подобно Моусею далъ намъ по-

ые законы, примѣнивъ древніе законы, — заповѣди Вѣтхаго Завета не къ дѣламъ только, но и къ самымъ мыслямъ и чувствамъ нашимъ; подобно ему учредить новую церковь и новое святое общество; подобно ему самъ совершилъ и первую жертву, которая нынѣ только повторяется на нашихъ жертвенникахъ и подобно ему же ведетъ вѣрующихъ въ Него въ истинно обѣтованную землю, гдѣ общаетъ имъ покой не по внѣшнему только положенію, въ какой послѣ Моисея Исусъ Навинъ ввелъ народъ Божій, послѣ 40 лѣтняго странствованія по пустынѣ, а внутренней, — покой, какимъ почилъ самъ Богъ отъ дѣлъ своихъ, — покой Божій; Онъ — нашъ пророкъ, но онъ же нашъ и первосвященникъ; Онъ же нашъ и царь. Какъ пророкъ Онъ проповѣдывалъ Божественное свое ученіе и творилъ такіа чудеса, какихъ не творилъ еще никто; какъ первосвященникъ, на крестѣ Онъ самага себя принесъ въ жертву за спасеніе міра; по вознесеніи на небо, какъ первосвященникъ Онъ, съ кровію не овновъ или козловъ, а съ собственною кровію возшелъ въ истинное святое святыхъ, — въ самое небо, туда гдѣ не въ знаменіяхъ только, а истинно обитаетъ Богъ, чтобъ тамъ ходатайствовать о насъ и, какъ первосвященникъ древняго Израіля, заключилъ свое Богослуженіе благословеніемъ народа, такъ какъ заключилъ его благословеніемъ всѣхъ первенцевъ своей вѣры, въ дарахъ Святаго Духа, котораго низпослалъ на нихъ, въ видѣ огненныхъ языковъ, чрезъ десять дней, по своемъ вознесеніи. Въ Немъ — разъясненіе тайны жертвъ, какъ Пасхальной, такъ и въ день очищенія. Распятый на крестѣ Господь, горѣвшій, какъ въ огнѣ отъ воспаленія внутреннихъ, объясняетъ, почему агнецъ Пасхальный опалаяся на огнѣ въ видѣ распятаго. Святѣйшій, но взявшій на себя грѣхи міра, объясняетъ тайну 2-хъ козловъ, изъ коихъ бѣлый приносится въ жертву, а черный изгонялся въ дебри, какъ бы уносившій на себѣ грѣхи народа. Сличите самое время испительной Его смерти со временемъ, какое пророкъ Даніиль назначилъ для смерти того святѣйшаго помазанника, который

долженъ быть явиться въ новомъ устройствѣ святаго града Иерусалима, и его втораго храма, и вы увидите, что смерть Господа нашего послѣдовала именно чрезъ 434 года, по ихъ устройствѣ, за котораго въ концѣ послѣдней седмицы дѣтъ, дѣйствительно сталъ постепенно утверждаться, въ замѣнъ Ветхаго, уже Новый Заветъ, за чѣмъ вскорѣ послѣдовало разореніе святаго града и его храма, какъ ужъ болѣе ненужнаго, со всѣмъ тѣмъ, что до того времени въ немъ совершалось, то есть—ни прежнія кровавыя жертвы, которыя въ немъ приносились, по древнему Еврейскому закону, ни ихъ древнее священство, для ихъ приношенія постановленное.

Итакъ со стороны Бога сдѣлано все, что только было нужно для нашего спасенія. Общайтесь Онъ послать Избавителя и послать Его и при томъ въ лицѣ Сына Своего. Что же мы для сего сдѣлали съ своей стороны? *Днесь спасенія нашего главизна*, поемъ мы. Что жъ если наше, собственное наше спасеніе еще не начиналось! *И еже отъ вѣка таинства явленіе*. Но что если въ насъ тайна спасенія и доселѣ остается тайною? Что жъ мы въ такомъ случаѣ празднуемъ и что поемъ? Празднуемъ не свой праздникъ и поемъ пѣснь намъ чуждую. Пока есть время, обратимся ко спасенію. Нынѣ еще не конецъ ему, не настала ночь, когда нельзя уже дѣлать; еще продолжается шумный день дѣланія. Пристанемъ къ дѣлателямъ, войдемъ въ трудъ ихъ, начнемъ и мы дѣло, уже такъ давно начатое Господомъ и къ основанію, Имъ положенному, приложимъ хотя два, три камня, сколько кто усилитъ. Тайна спасенія еще при насъ; Ангелы Божіи еще продолжаютъ благовѣствовать о ней. Поспѣшимъ уразумѣть сию тайну; направимъ по ней всѣ остатки силъ, сколько кто найдетъ въ себѣ, всѣ остатки времени, сколько каждому назначено. Если доселѣ не усвоили себѣ днесь Богомъ дарованнаго намъ спасенія, рвнимся о селѣ начать его. Аминь.

Протоіерей Мих. Скрбинъ.

ДВА ДОКТОРА

Дивий ревъ паровоза «американки», напоминающий ревъ валаамовой ослицы и далеко уступающий ему въ соперничество въ верблюжий крикъ нашихъ полурусскихъ машинъ, тяжелый смрадный запахъ каменноугольного дыма, бранчивая арава нашихъ — баши-бузуконъ — извозчиковъ, безцеремонная стая желѣзнодорожныхъ голубей и галокъ, безжалостно клюющихъ въ самое сердце русскаго хлѣбнаго мѣшка, — все это говоритъ, что мы уже у самага вокзала. Поездъ пришелъ и поездъ сей часъ же уходитъ. Суета, давка, узлы, чемоданы, все это рябитъ въ глазахъ. Шумный говоръ народа, разѣлкаемый рѣзкимъ свистомъ извозничьихъ живчиковъ, стукъ колесъ, сигнальные свистки и ревъ машинъ, — все это наводитъ разсѣянность на самага спокойнаго человѣка, и даетъ свои удобства другой категоріи желѣзнодорожныхъ голубей, запускающихъ хищный клювъ въ самое сердце русскаго убогаго гармана.

— «Ахъ, батюшки родимые... Святитель Николай... кажись запоздала»...

— Испуганно стонетъ и ковыляетъ съ котомкой за плечами старая вдова, приходившая за двѣсти верстъ въ Римъ и не видавшая паны.

«Держи въ право, оглобля».

«Вороти дальше, къ одной... ай не видишь? Ай на-власть?» ... Замахиваетъ кнутомъ.

Да ты, лапотъ, подшошь-ка рукавицы... возьми очи въ зубы»...

Въ такой цивилизованной формѣ слышатся постоянныя любезности городскихъ извозчиковъ. Напрасно рѣзкій и хриплый голосъ жандарма силится упорядочить ихъ. Эй носильщикъ бери вещи... какой твой №? ты же смотри, захвати получше мѣсто...

У входныхъ дверейъ большая тѣснота.

Предъ открытымъ окномъ кассы длинной и весьма пестрой гирляндой стоятъ дожидające билетовъ. У стѣнъ видятся цѣлые вороха узловъ, чемодановъ и подушекъ. Слышатся пискливыя ноты тревожныхъ женскихъ голосовъ. «Ахъ, гдѣ же мой узелокъ!»... У выходныхъ дверейъ стоитъ дюжій жандармъ, покручивая съ важностью свои усы. «Нельзя-съ, еще перваго звонка не было, говоритъ онъ съ важностью и такъ вѣско, помахая своей рукой...

1-й звонокъ.

Большими шагами, многие съ тяжелой ношей входятъ въ узкія двери вагоновъ, жадно захватывая болѣе удобныя мѣста.

Въ вагонъ втораго класса входитъ священникъ съ чемоданомъ, узлами и картономъ. Одинъ сердитый баринъ еще на порогѣ вагона встрѣтилъ его тяжелой остротой:

— Вы, батюшка, кажется не въ тотъ вагонъ попали, вамъ бы слѣдовало идти въ багажное отдѣленіе.

— Но я постараюсь устроиться такъ, чтобы никому не мѣшать моимъ багажемъ, отвѣтилъ священникъ, поспѣшно убирая на полки и подъ диванъ свой багажъ. Вагонъ былъ полонъ народа, казалось всѣ мѣста были заняты... Пробилъ третій звонокъ—поездъ тронулся.

На двухъ двух-мѣстныхъ скамейкахъ сидѣло три барина, на четвертомъ мѣстѣ былъ сакъ и на немъ шапка.

— Позвольте просить принять вещи, сказалъ батюшка.

Баринъ съ противоположнаго дивана протянулъ на сакъ свою ногу.

— Позвольте просить принять вещи и въ числѣ ихъ вашу ногу, сказала уже громко священникъ, съ серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ. Вещи и нога были приняты. Шапку баринъ положилъ въ сакъ.

Пауза...

Кольца сигарнаго дыма баринъ безцеремонно направлялъ въ лице священника и лукаво подмаргивалъ красными газами своимъ сосѣдямъ. — Что то, господа, здѣсь ладономъ принахиваетъ? потомъ обвѣда такъ внушительно весь вагонъ своими глазами, баринъ съ важностью спросилъ батюшку:

— Вы, кажется, священникъ?

— Да, это видно по кожь и рокожь, сгоромно улыбаясь, желалъ отшутиться священникъ.

— Мы съ вами родные, продолжалъ улыбаясь, vis-a-vis.

— Пока я не имѣю чести знать васъ, а вы едвали знаете меня, мнѣ трудно угадать какіе мы родные.

— Разумѣется, не по женскому колъну... гримасничалъ докторъ. Глаза священника были очень сильны, онъ умѣлъ ими многое говорить. Баринъ какъ будто смягчился и продолжалъ отчасти вѣжливѣе.

— Извольте видѣть, батюшка, въ чемъ дѣло, вы докторъ души, а я докторъ тѣла.

— Значить, говорить священникъ, мы оба къ одному знаменателю, это меня успокоиваетъ и я предполагаю, что мы съ вами въ родственныхъ отношеніяхъ будемъ продолжать вашъ путь.

— Да, можетъ быть, опять съ напускною важною сказалъ докторъ, и направилъ въ лице священника новое кольцо дыма.

Опять пауза. Докторъ заговорилъ первый:

— Но между нами, батюшка, есть громадное различіе.

— Позвольте узнать, въ чемъ-же оно состоитъ? угадайте.

Пока я не имѣю чести знать васъ, а вы незнаете меня, я могу видѣть различіе въ нашихъ наружныхъ формахъ. Мой носъ больше вашего. (Докторъ былъ курносъ). Покрой моего платья не таковъ, какъ вашъ...

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, оставьте чепуху гнуть... между нами есть болѣе существенное отличие...

Въ чемъ же, оно состоитъ, объясните?

Извольте видѣть въ чемъ... Я лечу отъ существующихъ болѣзней, вы нѣтъ...

— По моему, сказалъ священникъ, лечить отъ несуществующихъ болѣзней есть своего рода шарлатанство, если бы меня кто обвинялъ въ немъ, и я не въ силахъ былъ-бы защищаться, я пригласилъ-бы повѣреннаго, но, извините, не предполагаю, чтобы обвинение было серьезно, по этому прошу васъ объяснить, что вы хотите этимъ сказать?

Извольте видѣть, я лечу чахотку, чесотку п... и рвоту... вы то, батюшка, что лечите?

— Я лечу испорченную совѣсть, лечу болную душу.

Душу!... перебилъ докторъ, а вы батюшка ее видали? вы бы ее когда-нибудь хоть за хвостикъ придержали и намъ бы ее показали.

— Вы, докторъ, были когда-либо у одра умирающаго? спросилъ священникъ.

Нѣтъ, никогда, — это не мое дѣло, это дѣло бабъ и священниковъ.

Очень жаль, что вы не обратили вниманія на этотъ грустный финаль, которымъ заканчиваются все ваши походы по фармакопее, — впрочемъ, понятно, вамъ и не легко было бы смотрѣть на тотъ языкъ, который, иногда такъ иронически, показываетъ умирающій послѣ докучливыхъ докторскихъ приказаній «покажь языкъ». Но вся задача медика, кажется, въ томъ и состоитъ, чтобы задержать душу въ больномъ тѣлѣ человѣка.

Какую тамъ душу, запальчиво сказалъ докторъ, просто жизнь. такая же душа и у собаки и у коровы. Издохнетъ

собака и провоняется такъ же гадко, какъ и мы съ вами, когда такъ почетно положить насъ на столъ.

— Но вы, докторъ, себя лучше знаете, можете находить въ себѣ родственность или тождественность съ собакой или другимъ какимъ либо животнымъ, не зачѣмъ же другихъ, кого вы еще не знаете, подводить подъ такую обидную категорию родства съ собакой. Нашу душу мы иначе понимаемъ и позвольте доложить, мы не безъ причины очень высоко ее ставимъ надъ уровнемъ себачьихъ свойствъ. Собакъ и вообще всѣмъ скотамъ свойственно не знать своего прошлого и не интересоваться своими связями съ соплеменными ему во времени и пространствѣ... вѣтъ, не то говорить наша душа.

Да-что такое ваша душа, перебилъ докторъ, что ваша душа, когда я могу ее выгнать изъ васъ однимъ прикосновениемъ булавки?

— Но это можно, докторъ, сдѣлать и безъ дамскаго оружія, — это можно сдѣлать и пилулей и дубиной... это еще ничего не говорить.

Сосѣди диспутантовъ жадно ихъ слушали, — многіе привстали съ своихъ мѣстъ. Докторъ замѣтилъ это и запальчиво повелъ свою ученую эрудицію.

«Чтобы понимать, батюшка, то, что вы говорите, вы должны бы серьезнѣй и глубже изучать естественныя науки.

— Почему вы знаете, что я ихъ плохо училъ?

«О, если вы хорошо изучали естественныя науки, тогда вы увидѣли-бы, что секретъ не въ томъ кроется, какъ вы называете жизнь человѣка — душой-ли, духомъ, или силой — не въ этомъ дѣло. Знайте, что мысль, самосознаніе, связъ идей, хотите, даже вѣра, воля и совѣсть, словомъ сказать, всякая дѣятельность духа суть не болѣе, какъ родъ измѣненія, движенія, возбужденія и комбинаціи атомовъ мозговой субстанции. Человѣкъ знаетъ только то, что онъ ви-

дять, слышать, обонять, осязаетъ или чувствуетъ. Все мышленіе по формѣ и содержанію, — пространственная переменна состоянія, измѣненія въ порядкѣ расположенія атомовъ кислорода, азота, фосфорнокислаго жира и проч.: словомъ, того, что въ этомъ специфическомъ смѣшеніи мы называемъ мозгомъ. Сила мышленія есть свойство тѣлеснаго организма. Процессъ мышленія можно себѣ представить, какъ колебанія звучащей струны; или какъ выжиманіе воды изъ мокрой губки, — какъ дѣятельность мышечнаго движенія, или какъ выдѣляющую дѣятельность жизни, на примѣръ, печени или почки...

— Остается, докторъ, у васъ одно не договореннымъ.
«Что же именно?»

— То, что вы уже вѣсили мысль, и она оказалась вѣсомъ, положимъ, въ два фунта, длиною въ четыре дюйма, масса которой состоитъ изъ подвижныхъ шариковъ, производящихъ качанія въ три стотысячныхъ линіи длины и ширины... Кто же будетъ отвергать, что мозгъ есть необходимое условіе сознательнаго духа и что нормальное состояніе мозговыхъ функций есть условіе въ проявленіи нормальности функций духа, пока онъ въ тѣлѣ. Но мы не вправѣ вывести изъ этихъ фактовъ, болѣе того, что въ нихъ содержится, и въ приведенномъ значеніи конструкции мозга, не должны смѣшивать условія съ единственной причиною, мы съ вами еще очень далеки отъ того заключенія, что дѣятельность духа, есть исключительно продуктъ мозговыхъ функций. Глазъ увидѣлъ, — это его назначеніе, а то, что онъ увидѣлъ, восторгаетъ или ужасаетъ насъ, тутъ глазъ уже не причѣмъ...

— Съ этой минуты будемъ мы, докторъ, молча смотреть другъ на друга, и я могу прочесть въ вашихъ глазахъ презрѣніе ко мнѣ, а вы въ моихъ, положимъ, сожалѣніе къ вамъ.

И, развѣ это неправда, что еще не одинъ анатомъ не сумѣлъ намъ объяснить, какъ и гдѣ обанчиваются въ своей понятной связи волокна въ мозгу...

— Это почему же? Что касается опредѣленія конструкции мозга, то право на это, сказалъ докторъ, мы имѣемъ неоспоримое.

— Право-то правомъ, но сила свободы человѣческаго духа не можетъ быть въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, которыя ей указываете. Отчего же человѣкъ иногда преодолеваетъ самыя вопиющіе инстинкты его матеріальной природы и торжествуетъ надъ необходимыми ей законами. Тѣло проситъ пищи, а душа говоритъ — «не дамъ». Докторъ Тенверъ, напримеръ, захотѣлъ ничего не ѣсть сорокъ дней и исполнилъ свое желаніе, онъ побѣдилъ свой весьма естественный запросъ на пищу. Наши бабушки сказали бы, что это ему на роду было такъ написано, а намъ согласитесь, — этого нельзя сказать... Откуда же, изъ какой жилки и кровинки берется такая могущественная сила воли?.. Вообще продолжительный постъ и цѣломудріе, продолжительное самоумерщвление и останавливаніе на короткое время даже собственнаго сердцебіенія, это такіе паразитические факты, предъ которыми долженъ остановиться самый отчаянный матеріалистъ. Вотъ та свобода воли человѣческой, которую долженъ бы имѣть въ виду и Бокль, отрицающій ея дѣйствительность!.. Людямъ, спокойно и трезво смотрящимъ на вещи, всегда будутъ казаться странными и свихнувшимися тѣ мыслители, которые не видятъ души въ человѣкѣ. Пусть же они объяснятъ намъ пылкую, обширную и быстро парящую мысль, эту духовную работу ума, объясните намъ всеобъемлющую, восторженную любовь, это таинственное біеніе духовнаго сердца, разгадайте и уясните намъ силу внутренняго голоса совѣсти, дающую устойчивость нашему характеру. Нѣтъ, вы не произведете всего этого та-

инства изъ однихъ механическихъ свойствъ матеріи. Всемъ материалистамъ можно выставить одинъ фактъ, съ которымъ они до сихъ поръ и никогда не сдѣлаютъ справиться и который одинъ обрываетъ все ихъ теоріи, — этотъ фактъ — «я». Торжествуя свою побѣду надъ материалистами, мы можемъ смѣло воскликнуть словами ученаго Корнелия: *Moi, dis-je, etc' est assez* (я говорю и этого довольно), — *Cogito, ergo sum*. Но, атъмъ я, господа, продолжалъ батюшка, не все еще скавалъ есть вещи болѣе диковинныя. Наши модные первосвященники пиализма, забывши силу мірозданія, и не вѣрующіи во что необъяснимое, требуютъ, чтобы мы, по ихъ указаніямъ, вѣровали въ происхожденіе живаго міра отъ необъяснимой клѣточки, произвольно образовавшейся изъ безформенной жидкости. Скажите, господа, есть ли какой либо смыслъ въ безформенности какого либо вещества? Извольте, извольте, батюшка, можете горячиться, и подожду и не буду вамъ перебивать, сказалъ съ обычной гримасой докторъ.

— Скажите, уважите, кто видѣлъ наконецъ эту безформенную жидкость, и кто подмѣтилъ ея творческое дѣйствіе? Мы имѣемъ право дѣлать материалистамъ подобныя вопросы, потому что они и намъ даютъ такіе же вопросы, признавая истинно существующимъ только то, что можно доказать съ помощью химіи и физики. Вѣдь они и безсмертную душу не признаютъ главнымъ образомъ потому, что ее нельзя оцупать никакими инструментами... Что же это за произвольное зарожденіе міра, о которомъ такъ услужливо намъ говорить. Откуда же могъ взяться произволь у бытія никогда несуществовавшего? И не странно ли, вѣдь ищутся же объ этомъ цѣлые томы, изъ которыхъ ничего нельзя познать. Взгляните проще и безпристрастнѣй на вашу модную систему клѣточки, не расклется-ли она при первомъ улучшеніи микроскопа. На

чѣмъ же основаны всѣ смѣлые выводы Дарвина и другихъ о клѣточкѣ? Не подмѣтили-ли они переходъ клѣточки посредствомъ многихъ превращеній въ какое либо животное, хотя бы самаго низшаго разряда? Но такое чудо пока еще никто изъ нихъ не совершилъ. Мы вопросъ ставимъ еще проще, откуда же взялась первобытная клѣточка? Да, милостивые государи, не читая библейскихъ сказаній о твореніи по космогоніи Моисея до начала всѣхъ вещей трудно добраться, за то до безмыслицы очень многіе и очень скоро добираются. Когда-то туманныя пятна признавались за скопление первозданной матеріи, но телескопы разложили эту мнимую матерію на милліоны звѣздъ. Наши знаменитые — естествоиспытатели и сами то между собой весьма далеко расходятся въ своихъ воззрѣніяхъ, клѣточники, атомисты и tutti quanti, они другъ друга давно не узнаютъ, но они отчасти сходятся въ своихъ попыткахъ подорвать библейскія сказанія о твореніи міра. Не угодно ли, господа, серьезнѣй вникнуть въ глубокій смыслъ библейскихъ сказаній?

«Нѣтъ, не угодно, гордо сказала докторъ. Вы, батюшка, вашей библиологіи, психологіи и вообще вашихъ логологій не трогайте. Если у васъ есть здѣсь что нибудь такое, при этомъ докторъ ударилъ себя по лбу, — то продолжайте.

— Обезоруженный, но извольте буду продолжать. Публика одобряюще кивала головами батюшкѣ.

— Не буду говорить по библии, не привыкъ говорить безъ логики, но отчего бы не коснуться и психологіи. Вы, докторъ, упрекнули меня въ леченіи несуществующихъ душевныхъ болѣзней, но если вы, не шути учились въ вашей медицинской академіи, вы несомнѣнно должны были тамъ учить психіатрію, по моему понятію, весьма серьезную науку о душевныхъ болѣзняхъ.

«Да, психіатрію я училъ, но о душѣ у насъ говорилось во все не то, что о ней разглаговльствовало въ ва

шихъ семинаріяхъ и вашихъ семинарскихъ задачкахъ и проповѣдахъ. — Странно, сказалъ кто-то изъ публики, что въ нашихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ такъ видоизмѣняется одна и таже наука. — О, это объясняется очень просто. Изъ васъ, указалъ докторъ на священника, вырабатываютъ людей душевныхъ и сердечныхъ, васъ учать больше на вѣру, а мы болѣе жадно стремимся обогатить себя знаніемъ, и если бы явился теперь среди насъ самъ Аристотель, онъ былъ бы ослѣпленъ блескомъ нашей науки и явился бы безсильнымъ младенцемъ, относительно нашихъ художествъ, нашей промышленности и нашего военного искусства. Астрономія взвѣсила земной шаръ, измѣрила его высоту, ширину и глубину, открыла новые міры и бесконечно распространила кругъ зрѣнія. Естественныя науки подмѣтили таинственныя силы, глубоко сокрытыя въ недрахъ земли, — силы, о которыхъ древніе и не предчувствовали; изслѣдованы магнетизмъ, электричество, сила паровъ, и всему этому опредѣлены законы. Приравленіе этихъ силъ къ жизни обиходной, обновило лице земли, и главное потому, что мы ничего не принимаемъ за просто пошлаго, на вѣру. . . . Вотъ и дознано наукой, что зоофиты, рыба, звѣрь, все беретъ свое начало въ одной и той же зародышевой клеточкѣ и весьма наглядно людьми науки доказано, что первый челоѣкъ получалъ свою пищу на груди обезьяны. . . . Отчего же, докторъ, такіе чудеса, чтобы обезьяна родила челоѣка, теперь не продолжаются? . . . Хотя бы во имя науки и во имя большей вѣроятности и авторитетности происхождения видовъ въ царствѣ животномъ побазали бы намъ такую обезьяну, или корову, которыя рождаютъ людей. Къ сожалѣнію, извѣстно въ мірѣ и скотоложество, т. е. не было результатовъ, которыми бы объяснилась навязываемая намъ

система происхожденія видовъ. Въ твореніи, говорятъ нигилисты, нѣтъ плана и человѣкъ будто бы развился безъ всякаго плана, безъ руки, глаза, носъ и прочіе члены, явились случайно безъ цѣли и плановъ. О, если бы и на самомъ дѣлѣ міръ былъ такъ созданъ, какъ говорятъ нигилисты, тогда и въ немъ царствовалъ бы такой же хаосъ, какой всегда видится въ ихъ взбаломученныхъ головахъ.

— Что же вы, бабушка, ругаетесь? —
— Нѣтъ, я не ругаюсь, но жаль мнѣ нашихъ современныхъ умниковъ. Но вы почти ругаетесь, а въ вашей библіи, съ Моисеевыми сказаніями, и развѣ понятнѣй и правильнѣе сказано о твореніи міра, гдѣ свѣтъ сотворенъ раньше солнца и проч. и проч. а что вы ищете и ищете?

— Что же здѣсь удивительнаго? Не будемъ говорить, что твореніе міра есть чудо, которое потому такъ и называется, что оно можетъ не подчиняться нашимъ естественнымъ, даннымъ намъ, законамъ. Но докторъ, кто же не знаетъ, что каждая частица матеріи обладаетъ извѣстною долей свѣта, теплоты и электричества, какъ своею удѣбною собственностью, совершенно независимо отъ солнечныхъ лучей. Моисей могъ отличить этотъ свѣтъ, но скажите докторъ, откуда вы получили свѣдѣнія о Моисеѣ, вы же запрещали мнѣ говорить по библіи.

— О, это мнѣ когда-то бабушка объ немъ говаривала. —
— Извините, докторъ, мы съ авторитетностью вашей бабушки незнакомы, и, ведя такой болѣе или менѣе серьезный разговоръ въ такомъ почетномъ обществѣ, говоря о библіи и Моисеѣ не совсѣмъ кстати было бы сослаться на авторитетность вашей бабушки. Не угодно ли вамъ, господа, отъ меня слышать что-либо о библіи и Моисеѣ, и не окажется ли, пожалуй, что я ихъ знаю лучше иной бабушки?

«Еще разъ негодно, сказала, сердито отвертываясь докторъ, и раскуривая новую сигару...»

— Очень пріятно васъ слышать, батюшка, слышались голоса.

Публика на станціяхъ не выходила изъ вагона и, пользуясь затишьемъ колесъ, жадно слушала интересный диспутъ. Было ясно видно, какъ великъ запросъ на разгадку такой далеко распространившейся злобы дня. Теперь первоклассники гимназисты разсуждаютъ на эту же тему... На большихъ станціяхъ въ вагонъ спорящихъ входили люди сосѣднихъ вагоновъ. Батюшкѣ и доктору усердно приносили выпивку и закуску, чтобы подѣржить ихъ силы, упадающія отъ громкаго бряба, которымъ они должны были заглушать шумъ колесъ и дикій ревъ сигналовъ... Одобрений и похвалъ слышалось много.

«Продолжайте, продолжайте, батюшка, слышались голоса...»

Буду говорить, по возможности, короче... Естественны татель и законодатель Моусей оставилъ намъ такую космогонію, справедливость которой доказывается постоянно самымъ нагляднымъ образомъ. Всѣ и самыя послѣднія зоологическія изслѣдованія совершенно согласуются съ книгой бытія, уясняя порядокъ, въ которомъ создались органическія вещества.

«Вы знакомы, батюшка, перебилъ рѣчь докторъ, съ лѣтоисчисленіемъ Китайцевъ и Индійцевъ, знаете ли сколько они насчитываютъ лѣтъ отъ сотворенія міра?»

— Не много знакомъ, но кажется, вы докторъ, много дѣлаете чести китайцамъ, которые и до сихъ поръ еще не опредѣлили числа буквъ своей азбуки... и напрасно вы такъ безапелляціонно увѣровали въ чудовищныя астрономическія таблицы индусовъ, ссылаясь на ихъ недобазанный авторитетъ. Обратили-ли вы вниманіе на различную длину самыхъ ихъ годовъ? Если лѣтоисчисленіе и теперь различно у многихъ, то какимъ оно могло быть въ доисторическую эпоху?...»

«Но я надѣюсь, что вы, батюшка, не будете отвергать, что китаецъ, готентотъ и европеецъ, негры и альбиносы такъ между собой различны, что отнюдь не могутъ быть потомками одного и того же прародителя?»

— А голуби, по вашему, такъ могутъ происходить отъ одной пары, которую Дарвинъ назвалъ «Columbia divia»? По моему, голуби еще разительнѣе показываютъ между собой несходство, чѣмъ готентотъ и европеецъ. Обратите вниманіе, что сказанія о твореніи первичныхъ формъ вовсе не противорѣчатъ и Моисею, который совсѣмъ не говоритъ о томъ, много-ли, мало-ли создано первичныхъ формъ. Изъ книги Бытія можно видѣть только то, что люди произошли отъ одной человѣческой четы, животныя произошли отъ животныхъ, и каждое по своему роду... Но матеріалисты, разсуждая о количествѣ первичныхъ формъ, пришли къ тому заключенію, что всѣ животныя и растенія произошли отъ одного первообраза. Какой густой туманъ, и какая скученность и сбивчивость понятій?.. А по нашему, началомъ всякаго бытія можетъ быть только бытіе, само по себѣ существующее.—Если нѣтъ такого бытія, то нѣтъ никакого. Условное никогда не могло бы существовать, если бы не было безусловнаго. Изъ вещества и времени вамъ не удастся сдѣлать разумъ, это произведеніе высшей алхиміи, превосходящей всѣ наши понятія. Напрасно воздвигаютъ алтари чело-вѣческому уму, льстивая ему похвала, кружить его голову и доводить его до полного разстройства. Человѣкъ великъ, но онъ величественъ лишь съ безсмертною надеждою въ сердцѣ и съ божественной печатью на челѣ своемъ. Изычники, когда обоготворяли чело-вѣка, тѣ по крайней мѣрѣ преобразали его и тогда только помѣщали на Олимпѣ, но въ наше время предлагаютъ обоготвореніе чело-вѣка со всѣми его слабостями и гнусными поступками. Естественныя науки быстро разро-

стаются въ ширь, но отнюдь не упрочиваются глубже, и отчего же, словно въ укоризну нашей современной наукѣ, людская нравственность такъ видно грязнится? Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная; его нельзя усовершенствовать, какъ машину, и равнымъ образомъ нельзя очистить и возвысить его внутренній кругозоръ какой-либо машиной...

«Что же вы то, отцы, ничего не дѣлаете по вашей специальности, сказалъ докторъ, вы же говорите, что вамъ есть что лѣчить въ человѣкѣ?»

— О, на этотъ вопросъ я вамъ многое могъ бы сказать о нашей жалкой на Руси пастырской постановкѣ, — вѣрите, многое могъ бы рассказать и о томъ, почему, получивъ довольно солидное образование, мы потомъ должны обязательно тупѣть и доходить до забѣдающаго насъ торгашества, приторговывая всѣмъ, что въ нашихъ рукахъ... Вы этого, господа, кажется, не въ силахъ понять.

«Отчего же, батюшка, не можемъ понять расскажите, мы люди грамотные, сказалъ сосѣдъ доктора.

— Нельзя не признать, сказалъ батюшка, что кругъ дѣятельности духовенства, по своей величинѣ и по величю задачи, кажется, и границъ не имѣетъ, но наше Русское духовенство такъ поставлено, что отъ него и въ настоящее время, никакой особенной пользы ждать нельзя; — наше духовенство не безъ причины мертво...

«Отчего же оно мертво, громко и нетерпѣливо спросилъ тотъ же голосъ.

— Я с казалъ уже, говорилъ священникъ, что русскій, сельскій пастырь во 1-хъ обязательно долженъ тупѣть и во 2-хъ онъ быстро долженъ упасть нравственно, — такъ ужъ судьба его сложилась...

Въ публикѣ смѣхъ и удивленіе, но однако не замѣтно было, чтобы кто-либо подумалъ, что батюшка инокларничаешь.

Забавень признайся, батюшка, этотъ вашъ непонятный силлогизмъ, сказалъ докторъ.

— Извольте видѣть, въ чемъ дѣло, я хотя кратко объясню его, какъ понимаю... Семинарское образование, за свой двѣнадцатилѣтний курсъ, вы не зовите, господа, слабымъ образованіемъ, оно довольно солидно развиваетъ молодую голову семинариста, по крайней мѣрѣ въ мѣрѣ идеализаціи, да и самый классицизмъ, такой надобный за 12 лѣтъ, онъ значительно приучаетъ къ необходимому терпѣнію, положимъ, вить хоть веревку изъ песка... Семинаристъ выходя на какою хотите дорогу, напоминаетъ собою ту почтовую круто-ребрую, но тощую лошадь, которая покорно тащитъ отъ станціи до станціи, не ожидая себѣ много овса... и такъ рано привыкая къ вѣту нравственнаго бичеванія... «Семинаристъ», «поповичъ», «попъ», — это наша позорная кличка...

Батюшка угрюмо замолчала, не возражала и публика. Послѣ безотвѣтной паузы, онъ продолжалъ:

Я помню, что я пятнадцатилѣтнимъ юношей имѣлъ способность и терпѣніе писать, чуть не на пятнадцать листовъ мои юныя сочиненія и при томъ на самыя отвлеченныя темы. «Трудъ похваленъ», намъ подписывали... Но по выхождѣ изъ Семинаріи, забившись въ безотвѣтную пустыню сельской обыденной жизни, гдѣ изрѣдка съ синикафтанникомъ Иваномъ Ивановичемъ — за чайкомъ и чарочкой можно говорить о томъ, что почему, а съ Сидоромъ и тоже пожалуй за чарочкой, можно бесѣдовать о томъ, что за чѣмъ можно сѣять и чей быкъ, конь и корова лучше. не правда ли, что при такой обстановкѣ можно оземленишься настолько, что все лучшее души должно быстро замирать. Сельскій «попъ» становится запечатаннымъ пакетомъ Книгъ, газетъ, журналовъ, онъ не имѣетъ, смолоду имѣя большія нужды и привыкая такъ рано служить по польской пословицѣ: «не для Іеуса, а ради хлѣба куса», когда потомъ впадаютъ священнику книги, то онъ уже служить для него самымъ лучшимъ нар-

котическимъ усиляющимъ подспорьемъ. Единственный обязательный органъ для духовенства, Епархіальная Вѣдомость, съ своими статьями о прозябени безгнѣвн, о прилогахъ вражнхъ и о другихъ важныхъ матеріяхъ, — онѣ магически навѣвають духовенству сладостную дремоту. Говорятъ, не читая десять лѣтъ: «Отче нашъ — лукавымъ не кончимъ»... Но книжное подспорье, по моему, говорилъ увлекаясь священникъ, еще менѣе намъ полезно, чѣмъ живое развитое общество. При чтеніи книгъ, умъ требуетъ постоянныхъ комментариевъ къ нимъ и по неволѣ тогда нѣмѣетъ и холодится жизнь и пылливость въ работѣ ума. Живое развитое общество имѣетъ уже то преимущество, что въ немъ мы встрѣчаемъ оппозиціонныя мнѣнія, дающія полноту и ясность въ необходимомъ пониманіи всехъ ходячихъ вопросовъ, которые и суть-то наши серьезные «злобы дня». Обратите вниманіе, мыслимо ли это общество для сельскаго священника? На пригнутыхъ отъ времени плечахъ сельскаго священника призрачно видится мнѣ выбитая крупными іероглифами устарѣлая надпись: «сазамандра» — застрахованъ отъ огни и общества»... Хотите это провѣрить, прослѣдите... Дворянство далеко рѣже стало принимать у себя поща; это дѣлается, теперь, когда, въ видахъ умиротворяющихъ народную молву, нужнымъ оказывается или освятить молебномъ посѣвныя сѣмена, или выгнать скоть въ поле, или по большимъ праздникамъ, — когда трудно бываетъ отдѣлаться отъ назойливаго духовенства, но крестинъ и проч. теперь меньше у гражданствующихъ дворянъ... да и тогда, въ дни приема духовенства, и тогда въ бесѣдѣ съ духовенствомъ находить возможнымъ почему то, какъ говорится, немного приханжевыя» отъ Божества «на Богъ—Господь, или на аллилуя,» — то, значить, гости не отъ міра сего... Духовенство это видѣть и внутренно неспокойно. А дворянству теперь

духовенство, пожалуй, было-бы нужно больше, чѣмъ когда либо. Земство съ первыхъ дней своихъ, постепенно оттирало духовенство, и признавало его въ своей средѣ мѣбелю тоже «не отъ міра сего». Вопросъ, — такъ-ли? Вѣрнѣ ли этотъ взглядъ? Булечество, гдѣ оно есть въ деревняхъ, оно сильно важничаетъ надъ духовенствомъ. «Палковый вамъ даль, такъ служи на весь и съ волосященьемъ и съ акафистами, какіе я самъ закажу». Крестьяне же, — тѣ словно подъ диктантъ поэта Некрасова до сихъ поръ вѣрятъ, что лучше всѣхъ на свѣтѣ живетъ «попу да коту», — чего-жь попу-то подѣлалось — «онъ съ живаго и съ мертваго дереть»: тяжела доля! Мнѣ кажется — далеко не всѣмъ и вамъ то, господа, понятенъ смыслъ этихъ горькихъ словъ, а мнѣ-то приходилось не разъ своими глазами видѣть, какъ во время великопостной исповѣди, мужичекъ съ важностью звякнетъ на тарелку старинный пятакъ и новенькій семиникъ, безъ шума, бродучись, беретъ сдачи, — приходилось не разъ въ осеннюю и зимнюю непроглядную — ненастную ночь, за 15 верстъ, ѣхать къ больному на глячѣ, утопаючи, замерзаючи и получать у него — семакъ — 2 к. Не вправѣ ли мы иногда сказать покупчески: «себѣ дороже стоитъ».

— Вы мнѣ говорили, докторъ, о нашемъ рѣзкомъ различіи между вами и мною какъ врачами, да, дѣйствительно соглашаюсь, различіе между нами, какъ видите, кое-въ-чемъ есть и весьма замѣтно, вамъ даютъ 5 рубл. за визитъ въ 5 шаговъ, а мнѣ 5 к. за визитъ на быкахъ въ 15 верстъ.

«Но говорятъ, батюшка, что всѣ банки трещатъ отъ вашихъ денегъ», сказалъ докторъ.

— Это, докторъ, вами хотя и преувеличено, но объясняется очень просто. Духовенство торговать не можетъ, вести большое хозяйство трудно и во многомъ неудобно, — раздавать на % людямъ деньги, очень опасно и неудобно, кромѣ бан-

ковъ, оказывается нѣтъ другаго исхода. Духовенство такъ усиленно себѣ и дѣтямъ своимъ во многомъ отказываетъ, зная, что послѣ смерти главы семейства, его вдова и сироты будутъ жалкими подкидышами міра и зная, что консисторскія попечительства, съ ихъ двадцати рублевыми въ годъ пособіями, семействамъ сиротъ, ихъ слезы не осушатъ.

— Да, батюшка, вы дѣйствительно забавную штуку сказали: что сельскій священникъ обязательно долженъ быть глупъ, сказалъ сосѣдъ доктора. Это меня больше всего занимаетъ.

— Развѣ я неправду сказалъ? развѣ возможно не отупѣть его мозгамъ? Миѣ кажется, что сельское духовенство смѣло можетъ вломаться въ амбицію къ хвастливому изобрѣтателю вѣчныхъ чернилъ — неправда, не оны ихъ изобрѣли, ихъ изобрѣло сельское духовенство, цѣлыми столѣтія уже, разводя свои чернила въ засохшихъ чернильницахъ водою, слюною, чаемъ, иногда и водкой. Если вамъ когда либо придется быть въ домѣ сельскаго священника и положимъ, вамъ потребовалась бы чернильница росписаться хоть въ книгѣ почтосодержателя, то, когда вамъ подадутъ чернильницу, навѣрно при омокании пера въ нее, по словамъ Гоголя, муха съ шумомъ вылетитъ оттуда. Это доказываютъ и метрики, въ которыхъ такъ скоро выцвѣтаютъ метрическія книги до неузнаваемости.

— По неволѣ иногда задается вопросомъ сельскій священникъ, зачѣмъ онъ учился 12 лѣтъ и рѣзалъ безъ пощады своимъ содержаніемъ, кожу своего отца. Отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ священника весьма замѣтно оттираютъ, слѣдовательно замарать мозги его неизбѣжно должны, а по слуху жебнику и грамотный мужикъ съумѣетъ громко сбазать: «яко подобаетъ тебѣ всякое царство»...

«А что, докторъ, сказалъ какой то баринъ, вѣдь батюшка — то правду говорить?»

«Да, батюшка говоритъ красно улыбался врачъ... но не приходилось ли вамъ, господа, слышать нелегкія жалобы на духовенство за ихъ поборы и вымогательства, и говорятъ, что хоть и не пробуй мужикъ жаловаться на эти поборы, — все равно толку никакого не будетъ отъ такой жалобы, въ консисторію, гдѣ еще на порогъ такъ приятно припахиваетъ деревяннымъ масломъ...»

— Соглашаюсь, докторъ, вы вспоминаете очень грустный фактъ, но также ясно говорящій о цѣлой постановкѣ духовенства. Какой архіерей рѣшится строго осудить священника за попрашайничество, поборы и даже вымогательство? Нѣтъ никакого жалованья, нѣтъ и таксы за требы, — выпрашивай сколько выпросишь, но если, господа, вести духовенство подъ судъ за его поборы, то ведите его послѣднимъ въ ряду всѣхъ служебныхъ сословій и послѣднимъ въ ряду ремесленныхъ обществъ. Ведите прежде подъ судъ и моего бучера и кухарку, которые теперь въ четверо дороже противъ прежняго берутъ съ меня, ведите прежде портного и сапожника, ведите массу тѣхъ, которые носятъ теплыя шубы съ казеннаго козла, о которомъ давно сложилась на Руси пословица: казеннаго козла хоть за хвостъ подержать — шуба будетъ... Прежній дѣловый у насъ ходилъ три съ полтиной, а теперь онъ про сто рубль... и портной и сапожникъ и кучерь и кухарка это давно поняли и возвысили, спросъ рублей за ихъ трудъ, но священнику по прежнему за совершеніе двухъ таинствъ исповѣди и причащенія крестьянинъ даетъ ту же мѣдную гривну. А спросите, сколько священникъ вноситъ чрезъ Благочиннаго въ Консисторію прямыхъ и косвенныхъ податей. Оказывается, что его взносъ выше первогильдейскаго купеческаго.

«Это, батюшка, перебилъ докторъ потому, что ваше ремесло выше...»

— Пусть такъ. Но припомните, когда Русью владѣли татары, и тогда ханы, татарскіе, посылали своихъ баскаковъ для сбора податей съ Руси православной, вмѣстѣ съ ними присылали свои льготные ярлыки, которыми духовенство избавлялось отъ взноса повинностей...

«Скажите, батюшка, откровенно, перебилъ купецъ, сколько вы въ годъ получаете отъ вашихъ прихожанъ?»

— Извольте. Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что я занимаю одинъ изъ лучшихъ приходовъ въ губерніи, и получаю отъ 400 до 500 руб. въ годъ. Мнѣ, имѣя небольшое семейство, ихъ достаётъ при томъ подспорьи, какое умѣлый священникъ можетъ имѣть въ сельской жизни отъ разумнаго пониманія сельскаго хозяйства. Но скажите, какъ не легко должно быть священникамъ бѣдныхъ приходовъ и съ семьей въ семь восемь душъ дѣтей, которые рождаются такъ непропорціонально доходамъ... Есть приходы, въ которыхъ священникъ получаетъ менѣе 200 руб. въ годъ, чѣмъ же онъ несчастный будетъ содержать семью и возить въ городъ своихъ дѣтей? И въ этомъ отношеніи священникъ, кажется, вправѣ спросить, за что же онъ горемыка учился 12 лѣтъ и вытягивалъ съ своего отца тоже чуть не 200 р. въ годъ на свое образование. Нельзя ли опять сказать по купецки: «себѣ дороже стоитъ»...

«Но неужели есть священники, которые только по 200 р. въ годъ получаютъ, спросилъ кто-то.»

— Да, и очень много такихъ. Обратитесь, господа, къ статистикѣ. На тысячу душъ мужскаго пола по десятилѣтнему среднему выводу приходится обоюго пола: 100 рождений, 60 погребеній, 24 брака.

Полагая за крещение 50 к., за погребение взрослого 3 р. и младенца 1 р., за повѣнчаніе 12 р., получается сумма на священника, дьякона и дьячковъ 478 руб.

Сумма неважная, а всѣ другія статьи дохода очень мизерны и быстро уменьшаются онѣ вмѣстѣ съ такимъ замѣтнымъ упадкомъ въ народѣ религіознаго элемента. Есть же много приходоѡвъ въ 200—300 душъ. Какъ же тамъ-то жить священнику? Пора намъ открыто говорить: если вамъ нужны церкви и ихъ пастыри, то не съ питейнаго полугара, а съ лучшей постановки пастырей начинайте дѣло возрожденія Россіи. Обратите вниманіе, что это значить, что за нѣсколько лѣтъ съ открытіемъ бесплатнаго доступа всѣмъ сословіямъ въ семинарію, туда никто не идетъ, боясь той ужасной перспектivy, которая видится семинаристу. Приходилось мнѣ наблюдать съ какою жадностью лучшія силы семинарии вырывались на другія дороги. Если теперь придуманы репрессивныя мѣры, задерживающія семинаристовъ въ духовномъ вѣдомствѣ, то это еще вопросъ—къ лучшему ли это? Насильно копать колодезь—воды не пить. Мы не можемъ не удивляться тому увеличивающемуся % лучшихъ священниковъ, которые или снимаютъ свой санъ, или уходятъ за штатъ и занимаются частными дѣлами. Ухажать, понятно, тѣ, которые крѣпкимъ лбомъ надѣются пробить себѣ дорогу и безбѣдно содержать свою семью. И знайте, господа, что только тяжелое слово «разстрига» заставляетъ многихъ терпѣливо нести свою попрашадническую сумму.

«А что вы думаете, господа, сказаъ замѣтно развитой купецъ, войдя въ коѡу сельскаго священника ей-ей ужасно, по крайней мѣрѣ я не желалъ бы.

Священникъ видимо ободрился и охотно продолжалъ свою рѣчь:

— Мне кажется, я уже достаточно обрисовал обстановку, обязывающую священника глумить, но посмотрите ближе на нравственную сторону его жизни. Скажите, какая нужна высокая душа, чтобы не углубило и не загрязнилось сердце священника? Какова у него должна быть сила воли и нравственная устойчивость, чтобы сохранить себя чистым? Я помню себя, когда я двадцатилетним юношей в первый раз на первой моей всеобщей пошел в ризах по церкви съ кадиломъ и когда какая-то крестьянка дала мне в руку мѣдную копѣйку — я задрожалъ. — такъ мне тяжело была та копѣйка и такъ не подготовлена была къ ней моя душа, — я, словно ошеломленный, искалъ открытаго окна, чтобы ее выбросить и, вѣрьте, я съ большимъ трудомъ, словно въ лихорадочномъ жару, донесъ ту копѣйку до ктиторскаго ящика. А потомъ... потомъ и самъ видѣлъ, что большинство священниковъ ходятъ по церкви съ кадиломъ, но по дальше уже отъ иконъ, а поближе къ тѣмъ, кто даетъ копѣйки... потому что на 10 к. можно купить бубликовъ дѣтьямъ на чай...

— Вамъ не понятно, господа, то положение, въ которомъ мы состоимъ. Простите меня, если я скажу, что мы обречены на «христоредство». Признаюсь, грубо и рѣзко, даже кощунственно мое выражение, но справедливо оно. Въ переводъ на понятный языкъ выходитъ такъ: Дайте столько, — я вашего сына введу въ вѣру Христову, — окрещу его, — дайте столько-то, — я вашу взаимную любовь законтрактую тайнымъ бракомъ, — дайте столько-то, — и, по числу рублей данныхъ вами, я прибавлю чтенія Евангелій при погребеніи вашего отца, или матери. О, какая ужасная обстановка пастыря, и знаете-ли что, скрывать не буду, мы договаривались и беремъ деньги вперед до совершения «требъ», потому-что послѣ наши сельские прихожане намъ ничего не дадутъ. Я могъ бы при васъ поставить у аналоя десять паръ брачующихся, ни сло-

ва не сказавъ имъ раньше о платѣ за вѣнчаніе, и, вѣрьте, только меньшая часть пошла-бы изъ церкви, махнувъ мнѣ головой и сквозь зубы сказавъ, «спасибо», а денегъ никто-бы не далъ, они сгодились бы на пропой... Фактъ совершенно, развѣчивать нельзя Есендзы и пасторы, тѣ имѣютъ дѣло съ болѣе развитыми прихожанами. Тамъ не смотря на ихъ приличное жалованье, не будутъ благодарить пастора или есендза, пріѣхавшаго, по приглашенію, для исповѣди за 10—15 верстъ тремя копейками, а у насъ это творится сплошь и рядомъ... Если бы изъ васъ, господа, послать кого-либо ильновать т. е. собирать новь, или христорлавить, вы бы на дѣлѣ поняли, какъ тяжела доля русскаго сельскаго священника, — да вѣдъ надо понять, что это значить собирать ийца, придево, капусту и горохъ, чтобы рѣшать вопросъ, могутъ-ли мозги священника не превращаться въ капусту, и можетъ-ли не пустѣть его сердце, начинаясь горохомъ...

Батюшка на время умолкъ.

«А кажется, сказалъ купецъ, у насъ какъ-то думали улучшить положеніе духовенства.

— Да, у насъ и въ церковныхъ документахъ лежатъ печатныя бланки съ указаніемъ, гдѣ, въ какой графѣ духовенство должно расписываться въ полученіи жалованья и лежатъ эти бланки вѣрнымъ доказательствомъ тому, на сколько у насъ непроизводительны всѣ былия думы о духовенствѣ.

«Отъ чего же это?

— Да—какъ вамъ сказать, отчего? Мнѣ кажется, кто въ шубѣ, тотъ мороза не чувствуетъ, а у тѣхъ, кого морозъ по кожѣ деретъ, нѣтъ силъ выйти изъ бѣды,—тормазъ крѣпостничества насъ заѣлъ... Пробовали, впрочемъ, предложить земствамъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Лучшие земства сказали: у насъ сочувствія много, но денегъ — ни копейки... Другія земства предлагали крестьянскимъ общест-

вамъ заняться этимъ вопросомъ, по той простой причинѣ, что это дѣло подушнаго, а не поземельнаго налога, крестьяне не замедлили отвѣчать: «пусть будетъ по старому». Вотъ и живетъ духовенство по старому, замирая умомъ и сердцемъ, въ борьбѣ съ своей грязной и фальшивой постановкой.

— Смѣю, господа, благодарить васъ за то вниманіе, которымъ вы меня почтили, по этому не могу не вспомнить еще нѣкоторыхъ бурьезовъ изъ обстановки духовенства.

«Сдѣлайте одолженіе, батюшка, слышался голосъ.

Назадъ тому 22 года я надѣлъ рясу, и тогда я зналъ и теперь я знаю, что я умру такимъ-же священникомъ, въ такой-же рясе.

«А вы бы чего хотѣли, батюшка, спросилъ докторъ, не мундиръ-ли какой вамъ понравился?...

— Нѣтъ, докторъ, дѣло не въ томъ. Говорятъ, дуракъ тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ. Регистраторъ думаетъ быть совѣтникомъ, да и Матюшка мальчишка дегтярнаго ларя, получая 20 р. въ годъ, имѣетъ свою будущность; судя по степени своего усердія къ дѣлу, онъ по службѣ выходитъ изъ Матюшки въ Матвѣя, изъ Матвѣя въ Матвѣи Ивановичи выходитъ. Изъ за лавки вводится въ лавку, потомъ за прилавокъ и есть большая градація въ его жалованьи. Потомъ, когда онъ по своимъ свѣдѣніямъ и соотвѣтствующему имъ жалованью, хозяину не подь силу, Матвѣи Ивановичъ мирно съ хозяиномъ расходится и, или, идетъ къ большому хозяину, или открываетъ свою лавку, а въ нашемъ быту мы видимъ не увеличеніе содержанія, а упадокъ доходовъ. Наградми мы тоже не избалованы. Чрезъ 12 лѣтъ пастырской службы дадутъ набедренникъ, т. е. при служеніи право надѣвать подъ ризами еще аршинъ парчи... во въ рескриптѣ пишутъ «за долготѣнее служеніе» и проч... Для дьячковъ награда нѣтъ, помню, что одному хорошему

дьячку въ день его пятидесятилѣтня службы поднесли въ бархатномъ переплетѣ псалтирь... Умѣющему получать награды, дають чрезъ ХХ лѣтъ скуфью и потомъ не скоро камилавку. Впрочемъ, о нашихъ наградахъ, идущихъ чрезъ консисторію, я лучше повоздержусь и ничего не буду говорить. Кресты духовенство сельское получаетъ или бронзовые за тяжкую войну, чего не дай—Богъ, или намогильные дубовые..., если семья поставитъ.

«Что же, вы, батюшка, вѣдь у васъ, хотя, правду сказать, говорилъ кулець, я мало видѣлъ орденовъ на сельскомъ духовенствѣ, но есть же свои благоточинные, протоиереи, настоятели.

«Батюшка хочеть быть генераломъ, все трунилъ докторъ.

— Нѣтъ, опять не въ томъ дѣло. Я состою помощникомъ настоятеля, но въ настоятели перебираться куда-нибудь не могу, потому что въ деревнѣ мнѣ моего дома, въ которомъ все мое богатство, и продать никому не могу и бросить его на произволъ судьбы тоже нельзя, деревня не городъ. Въ благоточинные, дай Богъ, чтобы меня никогда не назначали, потому что жалованья нѣтъ, а въ консисторію ѣздить и являться надо... Церковныя деньги отрывать отъ трудовой свѣчечки—не желаю. Въ протоиереи не потюлинишься тагихъ мѣсть немного и содержанія этотъ титулъ тоже не приобязаетъ. Въ другихъ вѣдомствахъ въ повышеніяхъ имѣется и градаши въ окладахъ, а у насъ этого ничего не полагается... Но знаете-ли, господа, какой курьезъ изъ обстановки духовенства я еще могу сказать вамъ?

«Что такое, слышались голоса.

— Не странно-ли, что духовенство и само-то между собой не можетъ быть миролюбиво. Всѣ чиновники военнаго и гражданскаго вѣдомства и всѣ прикащики даже, получая опредѣ-

ленное жалованье въ определенное число, могутъ сохранить благородство товарищескихъ отношеній — духовенство нѣтъ. Тотъ хлѣбъ бѣлье, тотъ чертѣе, — тотъ клочекъ полотна лучше, тотъ хуже. «*O me miserum!*» Если вы пригласили къ себѣ священника, отслужить молебенъ и дали ему рубль, онъ выходитъ отъ васъ, долженъ у васъ въ передней, или въ сѣняхъ поблагодарить этотъ рубль, который принадлежитъ многимъ семействамъ. Какая нравственно-тяжелая пытка!

— Что же, батюшка, какъ вы замѣчаете, духовенство спокойно, переноситъ свою обстановку? — Правду говоря, и спокойно и нѣтъ. Нужно бы вамъ, въ шанкѣ невидимкѣ подслушать обычный разговоръ двухъ-трехъ священниковъ, когда они наединѣ безъ стороннихъ говорятъ. Но, главное, плохо то, что сыновья наши — увлекающіеся семинаристы весьма спокойно смотрятъ вдалѣ, а они вѣдь тоже будуще пастыри. И несомнѣнно, что пастырями то нужно бы больше завѣяться, чѣмъ урядниками, они больше могутъ принести пользы, чѣмъ урядники. Мы видимъ ясно необходимость возрожденія Россіи, — мы сознаемъ насколько глубоко пала нравственность народа.

— Да, батюшка, я въ прошедшей великій постъ былъ пораженъ безбожіемъ нашего народа. Нужно вамъ сказать, говорилъ пожилой баринъ, на второй недѣлѣ поста, я сказалъ моему прикащику, чтобы всѣ мои воловики говѣли на 2-й и на 3-й недѣлѣ, чтобы во время постѣва, намъ не отходить съ поля. Вижу, меня послушались. Въ пятницу — подѣ субботу, въ 12-мъ часу ночи, я замѣтилъ изъ моего окна, въ воловѣй казармѣ, во всѣхъ окнахъ свѣтъ. Думаю, чтобы это значило, люди исповѣдались, слушали правило, завтра будутъ приобщаться, значитъ теперь они спятъ, а хлѣбы въ это время не пекутъ. Удивленный, иду въ казарму, отворяю двери и что же я вижу? Всѣ наши спасенники — говельщики за

двумя столами играютъ въ карты. Можете себѣ представить, какъ я былъ пораженъ такимъ скотскимъ безбожіемъ. Стоя на порогѣ, крикнулъ я. Огонь быстро потушилъ кто-то изъ нихъ и вижу я: кто на палати, кто на нары, кто подъ нары, кто на лавку, кто подъ лавку прячутся... Понятно—мое краснорѣчіе лилось неудержимо. Долго я стоялъ среди казармы въ серьезной роли проповѣдника, и признаюсь я, съ болью на сердцѣ пришелъ домой. На утро приходитъ мой прикащикъ, я говорю ему. Найдите мнѣ, пожалуйста, самыхъ главныхъ нашихъ казарменныхъ клуббистовъ, передаю ему въ чемъ дѣло. Прошу и отъ себя выговоръ дать, скажите, что я и на васъ сердился.

Я уже знаю, что вы были ночью въ казармѣ, но вамъ еще неизвѣстно, что послѣ васъ было, сказалъ мнѣ прикащикъ. А что, я спрашиваю.

Когда потушили огонь, кто-то со стола стянулъ чьи-то мѣдные деньги и когда вы ушли, огонь зажгли снова и пошла тогда во всю руку самая размахистая драка...

«Вотъ вамъ, батюшка, ваша паства и люди-то уже сами имѣюще дѣтей... Такая нравственная болѣзнь требуетъ сильныхъ врачей... Такъ заключилъ свою рѣчь старичекъ землевладелецъ.

«А я, господа, во всемъ этомъ вижу, сказалъ докторъ, нашу неизбежную исторію... Не можетъ въ безконечные вѣки тянуться фальшивое положеніе, и рано или поздно все эти ходульные построенія въ мѣрѣ свободной фантазіи должны же будутъ рухнуть...»

— Остановитесь, докторъ, съ огнемъ въ глазахъ сказалъ ему священникъ, — мы васъ понимаемъ... но съ вами и теперь не соглашаемся. Если мы говорили объ упадкѣ религіи въ народѣ, — если я говорилъ о плохой постановкѣ нашихъ русскихъ пастырей, то отнюдь еще не все рушилось... Исторія обществъ и цѣлыхъ государствъ намъ многое сказала и

Религія, упавшая въ народѣ до неузнаваемости ея, словно искра подъ грудой пепла, была не разъ животворнымъ началомъ возрожденія обществъ и цѣлыхъ государствъ... Я позволилъ себѣ—такъ много и такъ смѣло говорить о плохой постановкѣ нашего духовенства потому только, что въ немъ вижу возможную силу, такъ необходимую для поднятія религіи, а съ нею и нравственности, быстро упдающихъ въ народѣ. Замѣтили ли вы, что насъ дичатся и не хотятъ насъ видѣть и слышать наши больные. Лѣкарствъ нашихъ не хотятъ. Припомните, съ какою нелюбезностью мнѣ, какъ пастырю, и вы дали здѣсь мѣсто въ вагонѣ... Виноваты ли вы, что въ слѣдующемъ вагонѣ есть опасный больной, который насъ не зоветъ на помощь? Виноваты ли вы, что отъ насъ лѣкарства не принимаютъ?... Если больной вамъ скажетъ, что у него нѣтъ тѣла, что вы у него будете лѣчить? А если намъ открыто говорятъ, что у насъ нѣтъ души, что мы тамъ будемъ лѣчить?

«Эхъ, батюшка, я понимаю вашу уклончивую отвѣтъ, но скажу, что вамъ еще очень далеко до того, чтобы мы согласились съ вами, будто-бы въ человѣкѣ есть бессмертная душа, которую вы лѣчите... она такъ же изнашивается и уничтожается, ее еще никто не видѣлъ входящею въ тѣло и отходящею отъ тѣла. Если же это духъ, то въ немъ вамъ опять такъ лѣчить нечего.

Священникъ замѣтилъ о недостаткѣ логики въ рѣчи, но докторъ запальчиво и послѣдно повелъ длинную рѣчь въ смыслъ отърытаго—смѣлаго нигилизма и волей—неволей батюшка долженъ былъ его остановить болѣе рѣзко и сильно. Въ минуту атеистическаго увлеченія доктора, онъ громко ему сказалъ:

— Докторъ, позвольте вамъ языкъ показать... И дѣйствительно батюшка показалъ ему языкъ.

Публика засмѣялась.

«Что это значить? сердито своимъ хрипучимъ голосомъ спросилъ докторъ.

Докторъ, позвольте васъ просить выслушать — мой пудель.

Священникъ протянулъ ему руку.

«Что это значить? я повторяю...

— Докторъ, я васъ прошу рѣшить вопросъ, что я здоровъ, или нѣтъ? опасенъ по здоровью или нѣтъ?

«О, — это другой вопросъ, болѣзни я въ васъ не вижу, но вы замѣтно взволнованы...

— По крайней мѣрѣ я не настолько опасенъ, что меня можно признать близкимъ къ смерти?

«Да, я этого не вижу, но къ чему эта рѣчь и эти приемы?

— Позвольте вамъ доложить, докторъ, что я черезъ нѣсколько часовъ долженъ встрѣтиться съ моимъ роднымъ братомъ — майоромъ одного пѣхотнаго полка, — съ братомъ, съ которымъ я пятнадцать лѣтъ не видался. Предположимъ, что мнѣ сей-часъ вносить въ вагонъ телеграмму, въ которой будетъ немного словъ, но будетъ сказано: «Ростовскій побѣздъ разбитъ, вашъ братъ убитъ». Глаза мои пробѣжать эти слова телеграммы, и я въ тотъ же моментъ могу пасть къ вашимъ ногамъ мертвымъ, лишивъ васъ возможности быть мнѣ полезнымъ. Ни прища, ни царянины на тѣлѣ не будетъ... Что же во мнѣ произойдетъ? Если вы не признаете души въ человѣкѣ, то объясните мнѣ причину материальную, физическую причину такой смерти?..

«Ваша задача, батюшка, неособенно трудна, родственность весьма понятная вещь, она замѣтна и у безсловесныхъ, возьмите щенка у суки, она вамъ рубли изгрызеть...»

Но и ты, доктор, или я не так высказался, или вы даёте умышленно уклончивый ответ. Нет, ваша родственность людская, родственность души и тела совсѣмъ не то, что собачий инстинктъ. Пусть разсылный поднесетъ къ самой мордѣ трезора телеграмму съ докладомъ о томъ, что его дочь, сука скоропостижно скончалась, вмѣсто ожидаемыхъ слезъ или апоплексій, песъ можетъ ослабить свою рожу и если телеграмма была въ сальныхъ рукахъ телеграфиста, или разсылнаго, песъ ее сладостно полижетъ. Собака черезъ годъ уже не признаетъ своей матери и за кусокъ хлѣба грызетъ ее также, какъ и чужую, иногда собака имѣетъ отъ матери дѣтей и, понятно, никакихъ возвышенныхъ соображеній не существуетъ въ мирѣ моськи и барбоса. Старой моськѣ, едва передвигающей ноги предпочтений никакихъ не полагается, — ей въ собачьемъ обществѣ неготово ничего, кромѣ рычанья и обычной трепки... О, поймите же, господа, какъ для насъ обидно то повое собачье родство, съ которымъ и сегодня насъ поздравляютъ...

Священникъ внушительно обратилъ свой взглядъ на публику. Въ публикѣ слышался весьма сочувственный ему говоръ. Докторъ сердито покосился на двухъ своихъ сторонниковъ, которые изрѣдка вставляли свое короткое, но правду сказать, не сильное слово, они по временамъ тоже отчасти враждебно смотрѣли на *попа*. Послѣ небольшого затишья въ говорѣ, докторъ повелъ свою по прежнему ученую, но весьма туманную и длинную рѣчь о рефлексахъ мозга. На его счетъ одинъ баринъ съ насмѣшкою сказалъ почти въ слухъ: должно быть уменъ, говорить такъ, что и не поймешь!

Какой-то, замѣтно богатый бунецъ, весьма усердно подчивалъ доктора и батюшку хорошимъ виномъ и нетерпѣливо желалъ снова свести ихъ на разговоръ.

«Батюшка, смотрите, сказалъ докторъ, какъ жадно насъ слушаютъ, какимъ востановленнымъ вниманіемъ почтили насъ. Въ благодарность такой почетной публикѣ, за такое вниманіе давайте скажемъ мы по слову. Вы слово и я. Это ваша специальность и вы въ произношеніемъ проповѣди, я думаю, не должны затрудняться».

«Сдѣлайте одолженіе, — послышались голоса.

— Извольте, я согласенъ, спокойно сказалъ священникъ, начинайте.

«Нѣтъ вамъ начинать.

— Почему же мнѣ начинать?

«Потому, что это ваша специальность.

— Но вы, докторъ, первый заявили желаніе сказать слово, вамъ первому и начинать. Мое слово будетъ отвѣтное вамъ.

«Извольте, я не затрудняюсь.

Докторъ, раскуривъ свою сигару, небрежно взмахнулъ три раза пятерней по груди своей и съ важностью окинувъ вагонъ глазами, онъ началъ:

«По той самой дорожкѣ, по которой еще такъ недавно «гей цобъ — цобе» малороссійскіе возики лѣнливо везли геніальныя произведенія ума человѣческаго и застряли въ Тамбовскихъ болотахъ, мы несемся теперь съ быстротой птичьего полета, и если бы въ данный моментъ мнѣ вздумалось шепнуть что-либо любезное женѣ моей въ Саратовѣ, чрезъ нѣсколько часовъ услужливый телеграфъ привезъ-бы мнѣ ея отвѣтъ. Но люди науки идутъ дальше, они отрѣшаются отъ земли, имъ тѣсно на землѣ, устройте аэростаты, они уже летаютъ по воздуху... Вотъ до какихъ успѣховъ доходить наука... А намъ казенные приставники истины (докторъ указалъ на священника) говорятъ, что эта машина, которая

насъ везеть, движется дьяволомъ, и была пора, когда ихъ элементы съ иконами выходили на рельсы, утверждая, что дьяволъ побойтся иконъ и машина дальше не пойдетъ. Понятно, что спасеніемъ своей жизни они обизаны разумному механику, который съумѣлъ во время дать «контр-шаръ». Вотъ тотъ жалкій продуктъ, упорно закрывающій свои глаза отъ свѣта науки, которой слѣпые люди боятся больше, чѣмъ самаго дьявола, — поймите дьявола, котораго для нихъ для того и выдумали, чтобы люди дольше были слѣпыми... Въ любую среду, или пятницу и обдереть и зарѣжетъ человѣкъ человѣка, но выпить крингу молока онъ не посмѣетъ, потому что ему успѣли внушить, что это тяжкій грѣхъ. Завося свой ножъ, на горло человѣка, мужикъ говорить: «Господи благослови!» Вотъ та ужасная путаница людскихъ вѣрованій, которая навѣяна на человѣчество туманнымъ мистицизмомъ, поэтическими легендами и византийскими бреднями!.. Указывая человѣку недостижимый путь и положительно невозможный путь прямо на небо, такъ мало обращаетъ вниманія на то, насколько глупо и дико человѣчество живетъ на землѣ. О, пора, и давно бы пора вырвать человѣка изъ рукъ мистицизма и безсодержательнаго фанатизма. Человѣкъ просить хлѣба — камень даютъ ему, рыбы просить — змію даютъ ему... Говорятъ *«въ потѣ лица твоего съищи хлѣбъ твой»* нѣтъ. — я обизанный наукой, прописываю мои рецепты не потѣя; говорятъ: *«въ болѣзни родиши чада...»* но я иногда прописываю хлороформъ и избавляю отъ болѣи... и не далеко то время, когда, по волѣ людей науки, тепло и прохлада, сухость и влага, будутъ смѣняться въ угоду человѣку.

Въ публикѣ кто-то сказалъ: «да, тогда можно бы и лишнюю десятинку хлѣба посѣять и жень зонтиковъ не покупать ..»

Докторъ не разлышалъ и съ тѣмъ же увлеченіемъ продолжалъ:

— Быстрые и гигантские шаги науки непремѣнно возмутъ свой верхъ... Естественныя науки сдѣлають свое дѣло, онѣ отрубятъ хвостъ седьмиглавому змию, который, говорятъ, когда-то перепружалъ собою рѣки... Кругозоръ науки съ каждымъ днемъ становится обширнѣе и свѣтлѣе видится уму его безпредѣльный горизонтъ.

Сказанія о сверхъестественномъ съ каждымъ днемъ все замѣтнѣй и проще сходятъ съ своего подгнившаго пьедестала. Давно уже вѣбовое слово: — *«Да будетъ»* наукой объясняется иначе... По научнымъ изслѣдованіямъ начало жизни свершилось изъ взаимодействия физическихъ и химическихъ силъ, доказано, что и самыя растенія суть настоящія животныя, только постигнутыя отступательнымъ ретрограднымъ превращеніемъ и во всемъ существуютъ одни и тѣже химическія дѣйствія, болѣе или менѣе измѣненныя онѣ составляютъ начало жизни и причину ея развитія въ организмъ...

Здѣсь послышалась длинная тирада, украшенная именами Бюхнера, Бокля, Дарвина, Моленота, Лассала, Прудона и другихъ. Но почему то докторъ особенно восхвалялъ Прудона.

— Интересно сиросить бы у доктора, сказалъ священнику въ полголоса одинъ пожилой баринъ, что на немъ скюртку собственный, или чужой? Прудонъ ему доказалъ бы, что онъ у него краденый, потому что, по понятіямъ Прудона, «всякая собственность есть кража». Косо посмотрѣлъ докторъ на пожилаго челоуѣка, и еще съ большею запальчивостью, такъ суетливо бросался къ своимъ первосвященникамъ нигилизма, лукаво дѣлая выборку изъ ихъ худольно-величавыхъ твореній. Проповѣдникъ пошелъ, наконецъ, далеко смѣлѣе самыхъ рьяныхъ атенстовъ. Какъ шуллеръ карты, онъ подтасовывалъ свои ссылки на ихъ смѣлые выводы. Фактическая улика съ полчинымъ въ такой безцеремонной передержкѣ была въ вагонѣ невозможна безъ книгъ. Съ расчетомъ на эффектацію

докторъ иногда говорилъ красиво. Можетъ быть, и всего вѣроятнѣй, докторъ и самъ не разъ оказывалъ корыстное предпочтеніе богачу предъ бѣднякомъ-крестьяниномъ. можетъ быть ни одинъ крестьянинъ ни однимъ рублемъ никогда не наживался отъ него, но докторъ, подобно многимъ фразерствующимъ филантропамъ, эффектно закончилъ свою проповѣдь сильной апологіей въ защиту угнетеннаго народа. Обгласитесь, иначе и не могло быть, — это теперь модный вопросъ, — это наши ходячія злобы дня, хотя къ глубокому сожалѣнію еще весьма далеко мы стоимъ отъ полезныхъ для народа производительныхъ результатовъ нашего моднаго разговора о горѣ народномъ, люди дѣла видятъ, что ни на грошъ — пока народу не легче отъ нашихъ разговорцевъ о немъ. Народъ между тѣмъ просынается, слышитъ неосуществимыя обѣщанія, никому въ искренность участія не вѣритъ и такъ видимо ожесточается...

«Аме-енъ», внушительно протянулъ докторъ. Большинство публики аплодировало ему. Докторъ величаво и съ гордостью раскланялся. «Теперь за вами, батюшка, слово», подхватили разомъ нѣсколько голосовъ.

«Ваше слово... обязательно, внушительно сказалъ докторъ. — Извольте, господа. Я признаю себя обязаннымъ отвѣчать, но я прошу вашего терпѣнія и снисхожденія. Священникъ снявъ шапку, торжественно перекрестился, тоже сдѣлали и многіе другіе, и началъ свое слово, немного возвысивъ свой голосъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа».

«Не отвѣщай безумному по безумію его; но отвѣщай безумному по безумію его»...

Такъ сказалъ — премудрый Соломонъ, премудрость котораго еще не опровергнута и не забудется вѣками!..

Когда мы произносимъ публичную рѣчь, въ обществѣ людей неизвѣстныхъ намъ, мы имѣемъ обычай ставить девизомъ нашего слова чьи либо авторитетныя и общезвѣстныя слова. Въ тѣхъ словахъ, которыя я взялъ девизомъ моего слова, слышится какое-то тождество, но быть не можетъ, чтобы въ словахъ мудреца Соломона не нашлось и для насъ мудраго и поучительнаго совѣта.

«Не отвѣщай безумному по безумію его, но отвѣщай безумному по безумію его». Чтожь это значитъ?

И умъ и безуміе имѣютъ свои степенни. Иногда речетъ безумецъ, только, въ сердце своемъ: *господи Богъ*, а иногда онъ говоритъ открыто, въ средѣ людей даже неизвѣстныхъ ему, и говоритъ очень смѣло и самоувѣренно съ понятнымъ желаніемъ, чтобы и другіе повѣрили, что „*господи Богъ*“. Судя по степенни той смѣлости, съ которой произносятся такія страшныя слова, какъ: *неизбѣжный противовѣсь*, и мы обязательно должны тогда позволять себѣ смѣлость отвѣчать на такую безумную рѣчь, а бываютъ случаи, когда премудрый Соломонъ и не совѣтуетъ даже отвѣчать на безумную рѣчь. Когда же отвѣчать и когда можно не отвѣчать?..

Не секретъ, что ряды безумныхъ въ нашъ по привычкѣ называемый просвѣщенный вѣкъ, быстро увеличиваются. Науки, правда, прогрессируютъ, во многомъ онъ справедливо хвалятся своими очевидными успѣхами. Серьезные умы не по днямъ, а по часамъ, видимо обогащаются обширными свѣдѣніями, но сколько же тѣхъ несчастныхъ, у которыхъ, какъ говорится, «умъ за разумъ заходитъ», которымъ такъ часто и собственная жизнь кажется пустой шуткой и историческая жизнь народовъ для нихъ безцвѣтный-безсодержательный туманъ.

Серьезно изучать ноты жизни не легко, а пѣть пѣсни съ чужаго голоса, разумѣется, легче.

Серьезно изучать науку—дѣло не легкое, знакомиться съ нею по верхамъ—читать ее подъ титломъ, отчего же и не такъ,—это дѣло модное.

Прошло то время, когда корень ученія былъ горекъ, теперь можно учиться энциклопедически, учиться по картинкамъ и сусальному золоту. Не такъ давно къ буквѣ А—присовался—*ангелъ* и требовалось объяснить назначеніе... *ангельскихъ силъ*, а теперь рисуется *арбузъ* оно и проще разумѣется,—къ буквѣ—В—писали *Богъ*, теперь *баранъ*. Это разумѣется, дѣлается, чтобы больше матеріализировать дѣтей, предполагая, что ничто духовное недоступно духовному міру дитяти. Хотя одинъ древній мудрецъ сказалъ, что и «барликъ на плечахъ великана видитъ больше, чѣмъ самъ великанъ», но г.г. не такъ то шутя, съ пустымъ котломъ, слѣдовало бы взбираться къ великану на плечи... Многие воспитатели и учителя, тѣшась дѣтской удалью, въ одинъ взмахъ сажаютъ молодежь на плечи великана, и по невозъ на таковой неопредѣленной высотѣ, должна кружиться молодая горячая голова. Вотъ почему, еще въ годы безшабашнаго ухарства, молодежь изображая собою размаленныхъ картонныхъ рыцарей съ все сокрушающимъ увлеченіемъ начинаетъ на воздухѣ перестраивать весь міръ. При такихъ условіяхъ, намъ становится понятна причина нашего современнаго броженія умовъ. И далеко не рѣдки случаи, когда не въ сердцѣ только, но такъ открыто говорятъ: «пѣсть Богъ», причемъ съ назойливымъ душехватствомъ хотять въ одинъ взмахъ разрушить все заштѣное и все священное для насъ... Когда мы встрѣтимъ таковаго смѣлаго провозвѣстника безбожія, мы обязаны перепробовать все средства, чтобы излечить его отъ напускнаго безумія, но если въ немъ и умъ и сердце уже настолько

иссохли, что наши средства окажутся недействительны для него, если онъ въ общественномъ мнѣніи уже запатентованъ именемъ безумца и когда опасный ядъ его словъ становится недействителемъ и незаразителемъ во влияніи на другихъ, тогда съ грустью склони надъ нимъ свою голову и, по совѣту Премудраго, *не отвѣщай безумному по безумію его...* Разумѣется, приходится иногда сожалѣть, что и у насъ въ Руси не достасть закрытыхъ заведеній для нашихъ и нравственно безумныхъ, и что по неволѣ приходится встрѣчать ихъ гуляющими на свободѣ...

Но отвѣщай безумному по безумію его, говоритъ Соломонъ. Когда же?

Когда безумный еще не запатентованъ именемъ безумнаго и, не зная той среды, въ которой онъ проповѣдуетъ, не справившись у людей его окружающихъ, что хранится у насъ на сердцѣ завѣтной свѣтыни, но такъ смѣло и безцѣремленно силою яда своихъ словъ кружитъ наслѣдственные, вѣковыя, умиротворяющія насъ убѣжденія, и, или такъ брадучиемъ тихо, или съ наглостью душехвата подтачиваетъ въ корнѣ священныя основы, живущія наше сердце...

О, тогда отвѣщай безумному по безумію его... здѣсь не легкий вопросъ: чѣмъ же мы можемъ отвѣчать ему?...

Не споримъ, что естественныя науки въ своихъ изслѣдованіяхъ дѣйствительно пожинаютъ лавры, но материалисты всѣхъ фракцій примуть отъ насъ факты и доказательства только тѣ, которые они могли бы изслѣдовать своимъ вооруженнымъ, или невооруженнымъ глазомъ, нѣтъ не таковы наши факты, не такъ просты они. Къ сожалѣнію материалистамъ нужны наши ребра, подъ которыми они могли бы осѣзать и изслѣдовать наше сердцебиеніе, и, понятно, для нихъ неуловимы и неостыжимы тѣ отблески божества, которые дамы нашему сердцу при его твореніи... *Отъ сердца исхо-*

Дать помышления благая, от сердца исходят помышления злая, здѣсь не въ рефлексахъ мозга, не въ железахъ и не въ конструкциі сердца кроется секретъ. Въ моментъ мысли о грѣхѣ чуется внутренней голосъ: «а грѣхъ, — Богъ накажетъ». Какъ сильны, какъ могущественны бываютъ эти слова, — не кровь и матерія вообще ихъ выдумала. Скажемъ словами поэта Шекспира: Богъ есть высшая цѣль человѣка и вѣра есть свѣточъ души его». Умъ и ученость очень много даютъ человѣку, но вѣра даетъ далеко больше. Вѣра была путеводнымъ двигателемъ тѣхъ некиевскихъ рыбарей и скинотворцевъ, которые, побѣдивъ все препятствіе съ словомъ вѣры и любви пошли по всему свѣту и побѣдили міръ и великихъ софистовъ, сопроверниковъ вѣра. Вѣра крестоносцевъ чрезъ моря и страны привела ихъ къ св. гробу. Религиозныя войны всегда вызывали самыя сильныя и самыя отчаянныя битвы на жизнь и смерть... Чѣмъ глубже и сильнѣе люди были проникнуты религіей, тѣмъ больше въ нихъ героизма, который только и можетъ выводить человѣка на чрезвычайныя подвиги. Всякая религія есть сводъ законовъ совѣсти и нравственности и помраченіе религиозныхъ чувствъ всегда составляло глубокое паденіе человѣческихъ обществъ. Взгляните же на современное намъ человѣчество. Слова поэта: «проходи пошь — баринъ, волоска не тронемъ» видимо блѣднѣютъ предъ тою дѣйствительностью, которая такъ замѣтна въ человѣкѣ, которому скоро и побойться будетъ не кѣмъ, и поклониться нечѣмъ. Но найдете ли вы равносильныя религіи силы, которыя гарантировали бы нашу частную и общественную безопасность?

Кто-же тогда защитить право короны и право послѣдняго гроша въ рукѣ нищаго? Кто тогда защититъ женщину отъ униженія, а въ ней нашу мать и въ матери семейство? Самая строгая дисциплина никогда не дойдетъ до уровня съ

тѣми могущественными словами, которыя составляютъ нашъ воинскій кличъ: «съ нами Богъ!» — Никогда исправительныя тюрьмы не будутъ сильнѣе короткихъ словъ сердца: «Боже! прости меня»...

Вольтеръ всѣмъ извѣстенъ по своей смѣлости въ нападкахъ на религію, но онъ же самъ сказалъ: «если бы Бога не было, то его нужно-бы было выдумать». Если вы заглушите до послѣдней пекры въ людяхъ чувство религиозное, то вы погубите чувство любви и долга, чувство останавливающаго насъ страха и чувство загробной надежды, — тогда скоро земной шаръ наполнится не людьми, а дикими своекорыстными животными, всегда готовыми пожирать другъ друга...

Вы, быть можетъ, скажете, что насъ спасетъ просвѣщеніе, но грѣшны ли будутъ его основы безъ религіознаго элемента? Люди Периклова вѣка были весьма образованы, они высоко были развиты въ краснорѣчьи, въ искусствахъ и вообще въ эстетикѣ, но они жадно толпились около позорныхъ гетеръ... тюрьмы и казематы развѣ одними глупыми наполнены... Аристотель былъ очень уменъ, но онъ считаетъ трудъ стыдомъ для свободнаго человѣка. Мудрый Платонъ тоже относился съ презрѣніемъ къ труду, а древній законодатель Соловъ могъ же исключить классы трудящіяся отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ. Въ Римѣ, на каупѣ своей политической смерти, народъ насквозь прогнившій развратомъ, когда-то неистово кричалъ: «*panem et circenses*» (хлѣба и зрѣлищъ). О, если вы отымете религію у народа, тогда и нашъ народъ скоро и также неистово закричитъ вамъ: «*panem et circenses*»... Исторія Греціи и Рима, исторія многихъ другихъ государствъ даютъ намъ много поучительныхъ уроковъ. Припомните, какіе симптомы и какія причины предшествовали революціи, которая такъ звѣрски, кровавой драмой уже занесена въ лѣтописи государствъ. Справедливо говорить, что исторія есть вѣрная школа жизни...

Припомнимъ очень памятную въ исторіи Французскую революцію. Религія потеряла тогда свое высокое значеніе и свою могущественную силу въ народѣ. Французское духовенство было уже развращено тогда до мозга костей. Можете судить—до чего дошло дѣло религіи, — когда архіепископъ Парижскій, ругаясь надъ святыней, изъ чаши св. алтаря поилъ на площади коней гвардейскихъ... Холодный эгоизмъ, безусловное потворство страстямъ, скотскія адамовы празднества... вызвали отміну поклоненія живому Богу. Не спасла тогда Французовъ, возведенная на алтарь святыни «богиня разума». Переплавка колоколовъ въ деньги и пушки, разрытіе могилъ, поруганіе надъ мертвыми тѣлами, собираніе сала и мяса зарѣзанныхъ людей, переплетъ въ дубленую человѣческую кожу написанныхъ Мирабо «правъ человѣческихъ», полный произвола надъ жизнью, собственностью, честью, свободой лица, свободой совѣсти, деспотизма наглыхъ негодяевъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, вотъ огненные флаги того ужаснаго пожара, кровавымъ заревомъ котораго покрылись небо и земля, — вотъ тѣ жестокіе плоды всесокрушающаго матеріализма. Путемъ тяжкихъ испытаній пришлось Франціи дѣлать поворотъ къ возстановленію общественнаго строя. Нужно же было, чтобы Бонапартъ разогналъ общественный корпусъ и оставилъ тысячи труповъ въ снѣгахъ Россіи, чтобы положить конецъ безумной революціи и поднять слѣпую горячность разшатавшагося народа. Нужны были сентябрскія убійства, гнетущіе дни террора, полная анархія директоріи, чтобы предать разшатавшуюся Францію въ руки коронованнаго солдата и, переживъ всѣ страданія того времени, занести ихъ въ летописи исторіи въ урокъ всему потомству, какъ вѣрный фактъ, доказывающій ту истину, что упадокъ религіи въ народѣ неизбежно долженъ приходиться къ такимъ кровавымъ событіямъ. Но можетъ быть, вы скажете, что революція про-

извела полезную реорганизацию въ государствѣ? О, уясните же мнѣ эту непонятную тему, и я первый охотно не побуюсь умереть, если буду знать, что моя смерть будетъ полезна моей родинѣ.

Но, припомнимъ, больше: съ чего началось водвореніе порядка во Франціи послѣ революціи... Прежде всего нужно было дать какую-либо работу разгулявшимся буйнымъ рукамъ головорѣзовъ,—и вотъ, чтобы не платить имъ напрасно денегъ, ихъ заставили рыть ямы на площади Тюльери и опять той же землей заставили засыпать тѣ же ямы... Вырвать изъ души слабого — неразвитаго человѣка религію, возвышающую и одухотворяющую его, не трудно, вырвать изъ груди его сердце, въ которомъ хранится священный огонь, его согревающій и умиротворяющій, возможно, но что вы ему дадите взамѣнь того сердца, которое было регуляторомъ его добрыхъ общечеловѣческихъ отношеній. Грубая сила проявляется въ грубой формѣ, — тогда выйдетъ неизбежно война всѣхъ противъ всѣхъ! Не будемъ говорить о людяхъ неразвитыхъ... Въ переживаемое нами время, наблюдали-ли вы, гг. что видится въ средѣ людей хвастающихся своимъ развитіемъ?

Въ литературѣ сильные таланты рѣдѣютъ, разъ—два... и обчелся. Былые авторитеты замѣтно падаютъ, — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше у насъ появляются писатели — ремесленники, вдохновляющиеся расчетомъ и стремленіемъ къ наживѣ. Большинство редакцій изображаютъ собой ремесленные лавочки. Куда не взглянемъ, повсюду видятся новые, постыдные, коренные глаголы, которыми, по выраженію г. Щедрина, обогащается нашъ языкъ... (интенданничать, таможенничать и проч.).

Въ древнее время умѣли жить такъ: вся твоя — моя суть, вся моя — твоя; а теперь скажутъ: вся твоя — моя, пожалуй, а моя — твоя, нѣтъ... При чемъ же тутъ современная филан-

тропія ли гуманность?.. Но я останавливаюсь, гр; и не буду говорить обличительнаго слова, даже соглашаюсь я, что наука может, культивировать, полировать, сдѣлать сердце человека любезнымъ, но создать сердце чистымъ и прямодушнымъ, вѣрнымъ, честнымъ и твердымъ — о, это можетъ сдѣлать только другой источникъ, — это можетъ совершиться только при помощи тихой, перерождающей насъ силы религіи. Безъ этой силы умъ, даже самый острый и многознающій легко предаётся малоговорящей пылчivosti, постепенно дѣлаетъ характеръ хитрымъ, задорнымъ и двудушнымъ. Развитие ума безъ нравственнаго облагораживанія, которое вѣриіе и скорѣе даётъ религія, такое развитие отравляетъ человеческое общество. Пусть естественныя науки хвалятся своей силой, онѣ съ собою взяли себѣ реальное направление и мы радовались за ихъ успѣхъ, но что же подѣлалось съ нашимъ народнымъ благосостояніемъ, — отчего же такъ упало народное богатство, отчего же прибавился такой большой % пролетариата и самой разнообразной бѣдности? Медики въ своей страдной, мрачной лобалотори все смѣлье и охотибѣ рѣжутъ мертвые трупы, доискиваясь иногда таинственныхъ клѣточекъ, неизслѣдимыхъ атомовъ и какого-то произвольнаго зарожденія, трудятся, по видимому, очень ретиво, даже въ 1 й день Пасхи у нихъ иногда назначаются экзамены, какъ фактический протестъ противъ нашей вѣры... но, словно наперекоръ ихъ усиліямъ, повсюду на кладбищахъ мы видимъ все новые и новые быстро возникающіе кресты... Мы видимъ, что чуть не все Египетскія казни обрушились на насъ и отчего же такой бессильной становитея наука въ борьбѣ съ нами? Намъ говорятъ хвастливо, что скоро тепло и холод, сухость и влага будутъ раздаваться по волю людей науки, но мнѣ живо припомнились слова малоросса: «ніхѣ, якѣхъ нема машинъ на світі... Есть машины, шо насъ везуть, шо и за

насъ балакають, машины и шьют и ткуют, а всежь нема-
тій машины, шобъ взять дождь съ неба, колі его требаят.
Признано, что хвастливый далеко не такъ богатъ, какъ го-
ворить о себѣ.. хвастливость науки, заносащейся выше глѣ-
са стоячаго и облака ходячаго, тоже вѣрный признакъ бѣд-
ности предъ тѣмъ богатствомъ, которое еще предстоитъ ей
для разработки... По меньшей мѣрѣ, не къ лицу и нашей
современной наукѣ говорить свое послѣднее слово о тѣхъ вѣ-
ковыхъ вопросахъ, которые еще долгими вѣками будутъ не-
ислѣдими... И не грустно ли, и небожно ли смотрѣть на
нашу молодежь, конканирующую вокругъ такихъ великихъ
основныхъ вопросовъ... Скажите, за что же сбиваютъ съ
толку нашу современную молодежь? «Учителю, ты спишь,
корабль твой влается»... Такую справедливую укоризну мы
должны бы сказать нашимъ многимъ учителямъ, высоко и
не высоко поставленнымъ...

Милостивые государи... Такъ какъ я произношу мою рѣчь
не въ храмъ съ священной кафедрой, а въ вагонѣ, то я по-
зволю себѣ смѣлость закончить нашу бесѣду однимъ стихо-
твореніемъ, которое еще давно когда-то было мною написано:
«одному изъ многихъ»:

Вращаясь въ омутѣ людскомъ,
Въ чаду житейской суеты,
Подъ часъ иль явно, иль тайкомъ
Безбожникомъ бываешь ты...

Въ вругу людей тебѣ подобныхъ,
Засѣвъ на моднаго конька,
Несясь чрезъ пни и чрезъ колоды,
На все ты смотришь свысока,
Тамъ все завѣтное для насъ,
Святыня, славная вѣками
Предметомъ говора у васъ,
Предметомъ шутокъ и забавы...

Съ комизмомъ школьнымъ вы беретесь —

Противнать въ тайны божества

И озлобленно такъ смѣтаетесь

Надъ всѣмъ, что выше естества...

Съ бессильнымъ замысломъ своимъ,

Забывши силу міроданья,

Хотите вы путемъ простымъ

Намъ уяснить процессъ созданья.

Предвѣчный Богъ однимъ лишь словомъ

Создалъ весь міръ изъ ничего,

А вы въ своемъ ученьи новомъ,

Вы «*nihi*» взяли изъ всего...

О, нѣтъ, не такъ ничтожна

Жизнь духа въ сферѣ бытія —

Войдите ближе, осторожно

Въ сознанья бытового «я»

Я былъ, я есть, я буду въ вѣкъ,

Я свѣтъ отъ Свѣта отъ Творца

«Я червь», я смертный человекъ,

Но сынъ предвѣчнаго Отца...

Его всесильная рука

Премудро міромъ управляетъ,

Всегда простерта, всѣмъ близка.

На правый путь насъ направляетъ.

Взгляни разумно вокругъ себя, —

Твой вѣрный взглядъ на Божій міръ

Науяитъ истинѣ тебя, —

Міръ скажетъ, кто его творитъ

Въ премудрой книгѣ всей природы,

Весь міръ — всѣ тайны естества,

Слѣды ума, любви, свободы

Вѣщаютъ силу Божества

Потомъ ты внутри себя вперись,

Пойми души твоей стремленья,

Въ отънки Божества всмотришь

И ты поймешь дары творенья.

Не трудно будетъ отгадать

Кто все создалъ, и кто бы могъ

Такъ щедро жизни вселенной дать...

Гордись, душа, великъ твой Богъ!...

Пусть мудрость просвѣтитъ твой умъ,

Любовь смягчитъ, согрѣетъ сердце,

Не тернишь вѣра вольныхъ думъ

И рай обѣщанъ лишь младенцамъ!...

Аминь!... сказалъ священникъ съ наклоненной головой. Публика ему долго и дружно аплодировала. Нѣкоторые съ истинной и полной симпатіей жали ему руку.

Докторъ не могъ оставаться одинокимъ, онъ протянулъ батюшкѣ свою руку и сказалъ ему:

«Радуюсь, батюшка, что встрѣчаю такого достойнаго священника и вполнѣ желаю, чтобы такихъ было больше. Тогда возможнѣй было-бы примиреніе и наимнѣе убѣжденій, съ вашими вѣрованіями. Тогда можетъ быть скорѣе очистили бы нашу религію отъ того сора и пыли, отъ тѣхъ пошлыхъ и безсодержательныхъ формъ и наростовъ, которыя привнесло въ ея чистыя основы холодное и своекорыстное грѣшное человечество. Извините, но сегодня и въ вашей рѣчи, батюшка, слышались жесткія, горделивыя слова вашего ученія.. Не думайте, чтобы не было серьезныхъ причинъ въ отпаденіи отъ вашего большею частью ходульнаго — величаваго краснорѣчія... Мы знаемъ, что дикі, слабо развиты наши штундисты, молобане и другіе подобныя имъ, но однако и они хотятъ поклоняться Богу, но только одного хотятъ: поклоняться духомъ и истинною, они вполнѣ справедливо жаждутъ чи-

стаго возвышеннаго ученія и единственнаго сильнаго слова, — слова о безпредѣльной любви, которая одна только и можетъ быть главнымъ регуляторомъ всѣхъ человѣческихъ обществъ».

Поѣздъ остановился на той станціи, на которой священникъ долженъ былъ оставить и доктора и всѣхъ своихъ слушателей.

«Очень благодарны вамъ, батюшка, за ваши умныя рѣчи, слышался голосъ изъ публики. Если бы я былъ великій человекъ, я исхлопоталъ бы вамъ, батюшка, даровой билетъ на всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ, чтобы всюду могли слушать такія прекрасныя и полезныя рѣчи».

Поле наше велико, нужно желать побольше энергичныхъ дѣятелей!...

Некрологи.

17 февраля скончался отъ скоротечной чахотки настоятель Троицкой церкви сл. Ливенки, Бирюч. уѣзда, священникъ *Адрианъ Ив. Барбаринъ*. Кончилъ курсъ Семинаріи въ 1857 г. четвертымъ студентомъ. Былъ священникомъ въ сл. Становой, Корот. уѣзда, потомъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ сл. Верхней.—Сребрянкѣ, Острогояк. уѣзда, откуда, по утвержденіи новыхъ штатовъ, переведенъ, въ должности помощника настоятеля приписной церкви въ сл. Нижнюю Сребрянку. Въ 1879 г. перемѣщенъ въ Ливенку. За катихизическія свои поученія былъ удостоенъ похвалы и вниманія отъ Преосвященнаго Іосифа, который послѣ того предлагалъ ему мѣсто въ г. Коротоякѣ. Велъ скромную, регулярную жизнь, за свой счастливый, мягкій характеръ былъ любимъ и уважаемъ. «... Выше всѣхъ ростомъ и благородствомъ» — писалъ ему недавно, вспоминая семинарскую жизнь, товарищъ его по семинаріи, Петербур. протоіерей о. Д. Никитинъ. Но, при скромности жизни и любви со стороны прихожанъ, онъ располагалъ та-

кими средствами, что, по выдаче замужь одной дочери, осиротевшему семейству своему оставил в наследство одинъ неоплаченной домъ... Доброта и мягкость сердца въ положеніи священника служить также чаще всего предметомъ эксплуатаціи и въ награду приносить ему положительный вредъ. Умреть ли взрослый или младенецъ, просить батюшку—проводить на кладбище. Грязь, холодъ, кладбище далеко; но по добротѣ своей, онъ не можетъ отказать прихожанину, который часто самъ не понимаетъ чего и для чего просить. И, вотъ, добрый батюшка, самъ слабый и нездоровый, сопровождаетъ гробъ младенца версты полторы, получаетъ простуду и заболѣваетъ. Усопшій не жалѣлъ себя въ подобныхъ случаяхъ и потому такъ неожиданно—скоро пришелъ и къ своей могилѣ. Простудившись въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ получилъ сильную лихорадку, которая ускорила развитіе чахотки и свела его въ могилу на 47 году жизни.

Мирь боголюбивой душѣ твоей на небѣ и вѣчная память на землѣ, усопшій о Христѣ братъ наш!

21 марта скончался настоятель села Нижне-Покровскаго, Вирюч. уѣз., священникъ *Іоаннъ Сем. Егоровъ*, окончившій курсъ семинаріи студентомъ въ 1855 г. Былъ учителемъ дух. училища въ Задонскѣ и Павловскѣ. Въ священника произведенъ въ сл. Гайдарскую, Острог. уѣз. Оч. умный, развитой и, какъ говорится, человекъ современный. Много читалъ и любилъ поговорить объ изобрѣтеніяхъ, улучшеніяхъ и преобразованіяхъ. Въ обращеніи былъ вѣжливъ и деликатенъ, но въ комъ замѣчать слабыя или смѣшныя стороны, съ тѣми не церемонился, былъ ли то крестьянинъ или своего рода персона. Особенно не жаловалъ мироѣдничество и разныя наверзвы сельскаго чиновначалія, съ которымъ не любилъ входить въ сдѣлки и не заискивалъ благоволенія. Жизнь къ нему была непривѣтлива. Липившійся жены, онъ

остался съ одною дочерью. При скудныхъ доходахъ и отсутствіи надзора за домашнимъ хозяйствомъ, онъ не имѣлъ возможности приобрести что либо для обезпеченія своей дочери, а потому рѣшился перейти изъ сл. Гайдарской въ сл. Покровское, на мѣсто священника В. М., съ которымъ по мѣнялся мѣстами; въ тѣхъ видахъ, чтобы вырученные за свой домъ деньги употребить на обезпеченіе дочери. Одинокій, въ невѣроятнo глухой, болотистой мѣстности, рѣшительно безъ всякаго общества, съ которымъ можно бы обмѣняться живымъ словомъ, исключая единственнаго малограмотнаго дьячка; мало чѣмъ отличающагося отъ окружающей деревенской среды, онъ, при крѣпкой и здоровой комплекціи, не вынесъ, однако, такой подавляющей жизни и, еще недавно повидимому свѣжій и здоровый, неожиданно скончался на 49 году.—За скорби и неудачи земной жизни, да наградишь его Господь на небѣ и упокоить духъ его, иде-же праведніи упокоеваются!

Марта 3-го, сего 1883 г. скончалась титуляр. совѣтница Пелагія Петр. Папонова, 87 лѣтъ (проживавшая въ хуторѣ Новая Мельница, въ 3-хъ верстахъ отъ Калитвы. Марта 7-го, послѣ утренняго Богослуженія, тѣло ея было перенесено при многочисленномъ стеченіи народа, въ приходскую Троицкую церковь. По окончаніи часовъ (такъ какъ 7-го марта случилось въ понедѣльникъ 2-й недѣли Вел. Поста) совершенно было двумя священниками (Іоан. Паповскимъ и Никол. Куфаевымъ) погребеніе тѣла покойницы, при чемъ духовникомъ ея священникъ Куфаевымъ произнесена была рѣчь, въ которой проповѣдникъ охарактеризовалъ религіозную и семейную жизнь почившей. Такъ какъ гд. Папонова отличалась благотворительностію и усердіемъ ко храму Божію (на ея средства сдѣлана была серебряная риза на храмовую, мѣстную въ иконостасѣ икону св. Троицы, въ 250 руб. сер.) то по желанію ея племянника надворн. совѣтника Петра Ів. Сип

верскаго, указомъ дух. Консисторіи отъ 23 марта 1883 г. за № 2160-й, тѣло ея погребено въ церков. оградѣ. Въ церковной оградѣ въ прошломъ году было погребено тѣло мѣстнаго священника *Василія Алексѣевича Саввина*, умершаго 30 іюля (1882 г.). Черезъ три дня послѣ его смерти скончалась и жена его *Таис. Фирсовна* (1 авг. 1882 г.). По словамъ о. К. прихожане сл. Калитвы въ своихъ „граматкахъ“ поминаютъ своего духовнаго отца, умершаго въ граннихъ годахъ. Въето некролога его о. К. представилъ въ редакцію слѣдующіе стихи:

„Твоя, отецъ, была грустна кончина:
Жизнь свою молодой ты кончилъ!
Лихая, зная, была твоя кручина,
И что себѣ ты, другъ мой, прочилъ?
Спокойствія мы ищемъ здѣсь,
Блаженной вѣчной жизни тамъ,
А ты всегда взволнованъ весь,
Причиной кто:—ты ли самъ?!..
Ни ты, ни твоя бѣдная жена!
На третій день скончалась и она!
Тутъ свершилась Божья воля:
Сиротамъ суждена тяжкая доля!...“

Евфимій Максимовичъ Пучковскій.

Января 23-го, сего 1883 года въ 6 часовъ утра въ Черниговѣ скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, каедральный протоіерей *Евфимій Максимовичъ Пучковскій*. Онъ, хотя и весьма короткое время былъ преподавателемъ въ Воронеж. Семинаріи, но своею добротою, гуманнымъ обращеніемъ

¹⁾ Послѣ о. Василія осталось четверо дѣтей: Алексій и Фирсъ (обучаются въ Павл. д. училищѣ), Анна и Таисія.

ніемъ съ воспитанниками и педагогич. тактомъ оставилъ по себѣ дорогую, незабвенную память въ Воронежѣ, а потому Редакція считаетъ своимъ долгомъ сообщить о покойномъ нѣкоторые свѣдѣнія, извлеченныя изъ Чернигов. Епархіал. Извѣстій (№ 4).

Евфимій Максимовичъ былъ сынъ священника, Черниг. епархіи, Стародубскаго уѣзда, села Пантохова (въ Черниг. Епар. Извѣстіяхъ сказано, что онъ родился въ г. Стародубъ, что несогласно съ его формулярн. спискомъ, хранящимся въ Воронеж. Семиар. архивѣ). Первоначально онъ обучался въ Новгородѣ—сверскомъ духов. училищѣ, за тѣмъ въ Чернигов. духов. Семинаріи и наконецъ въ Кіев. Академіи, гдѣ въ 1857 году окончилъ курсъ съ степенью магистра. По окончаніи академич. курса, Е. М. 6 ноября 1857 г. былъ опредѣленъ учителемъ въ Воронеж. Семинарію по классу Гражданской Исторіи въ 3-мъ среднемъ и 3-мъ низшемъ отдѣленіяхъ; съ 23 ноября по 1 сентября 1858 года исправлялъ должность эконома; съ 29 августа по 5-го мая 1859 г. исправлялъ должность преподавателя по Сельскому Хозяйству и Естеств. Исторіи; съ 8 августа по 1-е сентября 1859 г. вторично исправлялъ должность эконома; съ 17 июля по 31 декабря 1859 г. на него была возложена обязанность смотрителя за съѣтными припасами и вещами, поступающими въ Семинар. экономію; съ 30 дек. 1858 г. по декабрь 1859 г. безмездно исправлялъ должность наставника по классу Словесности въ 1-мъ высшемъ отдѣленіи; 28 ноября 1859 г. былъ опредѣленъ библиотекаремъ семинарской библиотеки; съ 12 января по 1-е октября безмездно исправлялъ должность наставника математики и физики. 27 февраля 1861 г., по прошенію, онъ былъ перемѣщенъ профессоромъ въ родную (Чернигов.) Семинарію, гдѣ до преобразованія ея въ 1870 г. преподавалъ различные предметы, какъ-то: Свящ. Писаніе, Вибл. Исторію, Гомилетику и общ. Богословіе, а по преобразованіи Семинаріи, какъ отличный знатокъ латинскаго языка онъ по 21 авг. 1879 г.

преподавалъ латинскій языкъ. Евфимій Максимовичъ съ отлич. усѣихомъ преподавалъ этотъ предметъ, какъ можно видѣть изъ отчета члена-ревизора Ст. Ис. Лебедева. Наставникъ латин. языка, Е. П. — лучший изъ преподавателей общеобразовательныхъ предметовъ. Прежде онъ былъ преподавателемъ богословскихъ наукъ, но само начальство назначило его, какъ отличнаго знатока древнихъ языковъ и любителя латинскихъ классиковъ, преподавателемъ латинскаго языка. Не смотря на слабую подготовку воспитанниковъ въ училищахъ, усиліями этого наставника сдѣлано относительно многое, въ чемъ я убѣдился изъ разсмотрѣнія вѣдомостей и изъ отвѣтовъ учениковъ. Чтеніе классиковъ пока старинное. Периодъ всегда сопровождается выясненіемъ строенія латинской рѣчи, чрезъ сравненіе ея съ аналогич. формами русскаго, а иногда и греческаго языка, или чрезъ указаніе того, какими синтаксич. средствами тотъ или другой изъ поименованныхъ языковъ располагаетъ въ томъ случаѣ, когда требуется выразить извѣстное состояніе мысли, имѣющее на латинскомъ языкѣ своеобразную синтаксическую форму. При этомъ постоянно обращается вниманіе на происхожденіе слова, на его первое значеніе и смыслъ производственныхъ словъ. Дѣло ведется оживленно: кромѣ ученика, который отвѣчаетъ, постоянно призываются къ поправкѣ ошибокъ, отвѣщающаго, а иногда и къ рѣшенію вопросовъ, или указанію грамматич. правила и другіе ученики, что служитъ къ поддержанію вниманія класса. Весьма важно то, что у учениковъ этотъ наставникъ пользуется любовью и уваженіемъ; чувства съ преподавателя переносятся и на предметъ имъ преподаваемый (въ чемъ г. ревизоръ имѣлъ случай убѣдиться, разсматривая записныя тетради учениковъ; въ этихъ тетрадяхъ, даже и у тѣхъ воспитанниковъ, которые стали было на пути отъ классич. образованія, чаще всего встрѣчались записанными латинскіе стихи, диктованные наставникомъ при объясненіяхъ въ классѣ). Неправильный отвѣтъ ученика не вызывалъ у этого наставника ни выговора, ни упрёка въ не-

звонилъ и въводити, какъ это замѣчалъ у некоторыхъ наставниковъ этой семинаріи, а служить только поводомъ къ тому, чтобы призвать на помощь ему другаго, третьяго ученика, или, если такой помощи не послѣдуетъ, — объяснить самому, хотя бы это было объяснено прежде нѣсколько разъ. Вообще къ ученикамъ онъ относился мягко, терпѣливо, не смотря на свою болѣзненность. (Отчетъ о ревизіи Черн. Сем. 1870. стр. 98). Евфимій Максимовичъ и отъ природы былъ слабого сложения и никогда не пользовался хорошимъ здоровьемъ. Насколько извѣстно знавшимъ его, Е. М. почти всегда пользовался лекарствами, даже и въ то время, когда можно было сказать, что онъ здоровъ, но слабости желудка, онъ принималъ и пилюльки пепсинъ, безъ чего, кажется, не могъ и жить. Ноября 8-го 1862 г. Евфимій Максимовичъ былъ рукоположенъ Чернигов. Архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ священника къ Престовоздвиженской церкви, 13 декабря того же года получилъ магистерскій крестъ; 3 ноября 1863 г. онъ былъ перевѣщенъ въ Чернигов. кафедрал. соборъ, а 6-го января 1864 г. возведенъ въ санъ протоіерея и нарржденъ набадренникомъ. Съ 29 декабря 1862 по 16 сент. 1869 г. онъ проходилъ должность члена Чернигов. духовной Консисторіи. Нельзя воскресать, говорилъ при гробѣ о. Пучковъ много бывшій его учениковъ, г. Зеньковъ, образъ гуманнѣйшаго учителя, высокаго педагога, ученнѣйшаго лингвиста, съ любовью, живностію, великимъ терпѣніемъ и увлеченіемъ преданнаго своему дѣлу. Не смотря на то, что предметъ, имъ читанный у насъ (латыскій языкъ) по самому существу своему сухъ, онъ сумѣлъ поставить дѣло преподаванія его такимъ образомъ, что они на одномъ, кажется, урокъ мы не сидѣли съ такимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, какъ на его урокахъ. За такую преданность его своему дѣлу, за его нѣжно родительское отношеніе къ намъ мы платили ему въ тѣ же у насъ считалось чуть не преступленіемъ не знать по его

предмету урока, и между тѣмъ онъ не только не позволялъ себѣ сдѣлать ученику выговоръ, но даже совѣстился, приходилъ въ замѣшательство, когда ученикъ не зналъ чего выбудъ изъ объясненнаго, готовъ былъ самъ десять разъ объяснять одно и то же. И вотъ эта благороднѣйшая и деликатнѣйшая черта въ твоёмъ характерѣ, пожившій, и заставляла насъ добросовѣстно готовить уроки по твоему предмету. Мы знали, что тебѣ пріятно, когда ученики знаютъ урокъ, и — не пріятно, когда не знаютъ, а потому и старались, любя тебя чисто-сердечно, доставлять тебѣ пріятное». (Черн. Еп. Изв. № 4, стр. 171). Мы, говорить другой изъ его учениковъ, г. Мысловскій, живо помнимъ то удовольствіе, съ которымъ мы слушали уроки покойнаго, какъ преподавателя семинаріи. Отношенія его къ ученикамъ были замѣчательныя. Его любили и уважали ученики не за снисходительность, не за такъ называемую доброту, не за то, что онъ не ставилъ ученикамъ единицы. Нѣтъ, онъ постоянно являлся справедливо требовательнымъ къ ученикамъ. Онъ требовалъ отъ нихъ труда, вниманія, и зорко слѣдилъ за всякимъ уклоненіемъ ученика съ пути долга. Мотивы этихъ требованій всегда были честны, и дышали той искренностью, которая была присуща покойному. И ученики любили его именно за это. Они видѣли въ немъ знающаго свое дѣло, образованнаго, полезнаго учителя и всегда честнаго, благороднаго человека. Преподаваніе его всегда было образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ и понятнымъ для всѣхъ. И ученики считали преступленіемъ не приготовить урока по его предмету* (Черн. Еп. Изв. стр. 187, № 4).

Кромѣ преподавательской должности въ Семинаріи Е. М. проходилъ въ разное время различ. должности: члена Губернскаго Статистич. Комитета, члена Черниговскаго училищнаго совѣта, экзаменатора ставленниковъ, члена Комитета по улучшенію быта духовенства, члена правленія Чернигов. Семинаріи, члена временнаго Строительн. Комитета въ Семинаріи, члена духовн. Попечительства, члена эмеритальн. Комитета

для епархіала духовенства, члена Комисіи для приведенія въ извѣстность имуществъ покойнаго Архіепископа Филарета, членъ на комисіи для ревизіи отчетовъ духовнаго Попечительства въ епархіал. женскаго училища, члена временнаго ревизіоннаго Комитета, члена строительнаго Комитета по постройкѣ Чернигов. духовнаго училища, члена педагогич. собранія правленія духовной семинаріи, члена Православнаго миссіонер. общества, четыре раза исполнялъ должность инспектора Семинарій. Съ 1866 по 1869 гг. былъ редакторомъ Чернигов. Епархіал. Извѣстій; шесть лѣтъ былъ председателемъ Чернигов. Епархіал. женскаго училища; въ 1872 г. былъ председателемъ комисіи по епархіал. свѣчному заводу; съ 11 февраля 1863 по 1882 гг. былъ цензоромъ проповѣдей; съ 1869 по 1883 гг. цензоромъ Епархіал. Извѣстій, съ 1874 года былъ цензоромъ сочиненій духовно-нравственнаго содержанія. Онъ былъ человекомъ дѣла. Его можно было называть домобдомъ; въ полномъ смыслѣ этого слова, и такъ какъ, вкромѣ вполучки по служебнымъ обязанностямъ, онъ повсюду и нигдѣ и ни у кого не бывалъ. Дома же всегда занимался служебными дѣлами (Черн. Еп. Изв. № 4, стр. 177). Но постоянно занятый дѣлами, Е. М. всегда готовъ и радъ былъ принять каждаго приходящаго къ нему за дѣломъ и безъ дѣла. Если кто обращался къ нему съ какою либо просьбою, то всякую просьбу внимательно выслушивалъ и, по возможности, исполнялъ, а никому онъ не отказывалъ въ добромъ совѣтѣ. Мы полагаемъ, что нѣтъ (въ Черн. Епархіи) человека, который сказалъ бы о немъ что нибудь нехорошее, своею гуманностію и привѣтливостію онъ каждаго очаровывалъ и время проведенное въ бесѣдѣ съ нимъ, каждый считалъ для себя и пріятнымъ и полезнымъ. Мягкость и деликатность его въ обращеніи не только съ учениками, но и со всѣми, кому приходилось съ нимъ имѣть дѣло, и добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, доброта до самопожертвованія — всѣ эти черты его характера снискали ему любовь, пріятившую съ благосовѣніемъ цѣлой епархіи. Особенна эта любовь ясно

выразилась въ 1869 г. при выборѣ духовенствомъ новаго смотрителя въ дух. училище. Не смотря на то, что было до 20 прошеній на эту должность, духовенство не остановилось ни на одномъ изъ вихъ, а снарядило депутацию и въ ж. покойному просить его баллотироваться на должность смотрителя. Онъ согласился и—былъ избранъ единогласно. Что-же заставило его, уже не мало потратившаго силъ, принять столь трудную службу? Не думайте, что матеріальныя выгоды онъ чуждъ былъ таковыхъ. Въ запрошломъ году, при разговорѣ съ нимъ, онъ самъ мнѣ сказалъ, пишетъ г. З. что, соглашаясь быть смотрителемъ, онъ раньше зналъ, что эта многосторонняя дѣятельность, непривычная ему, можетъ подѣять и безъ того слабое его здоровье. Зналъ—и все-таки согласился. На вопросъ мой: почему? онъ отвѣтилъ: «потому, что советно было отказаться, вѣдь я хотѣлъ больше принести пользы роднѣ». Что за примѣрная доброта и деликатность! Сдѣлавшись смотрителемъ, онъ каждый день трудился съ утра до вечера, за отчетами и хозяйственными счетами, съ которыми онъ до того времени почти не былъ знакомъ. Ему приходилось нередко просиживать тоцѣлыя ночи. Здоровье его слабое, но онъ много выносилъ всей тяжести душевныхъ работъ, какія требовались при успѣшномъ веденіи нравственно-воспитательнаго дѣла болѣе 300 дѣтей. Тѣмъ сложнѣе и труднѣе была правильная постановка весьма нелегкаго нравственно-воспитательнаго дѣла, что ему пришло въ вѣстиего на Новомъ мѣстѣ, чуждъ не создавать новое заведеніе. Самъ покойникъ, ясно сознавалъ всю тяжесть дѣла, свойлѣ силу административно-воспитательной службы при училищѣ. Но тѣмъ сильнѣе было его рвеніе къ дѣлу. Крѣпость воли его не знала и не признавала утомленія, истощенія и слабости силъ тѣлесныхъ. Онъ и въ самыя жары года не переставалъ работать. Вступивъ на новое поприще дѣятельности, Е. М., какъ обладающій большимъ тактомъ и разумѣмъ, хорошо поставилъ себѣ на эту должность. Въ его обращеніи съ сослуживцами, а также и съ учениками не видно было и тѣни начальниче-

ства? не относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и любовью. Учителя находили въ немъ умнаго, добраго собрата, ученики — скорѣе отца, чѣмъ начальника. Любя учениковъ, какъ собственныхъ дѣтей, онъ всецѣло посвятилъ себя училищу и нерѣдко забывалъ, а даже и свою собственную семью. Въ какое время дня придите въ училище и всегда застанете его или въ канцеляріи правленія училища за повѣркою экономическихъ счетовъ и расчетовъ, или на верхнемъ этажѣ съ надзирателями привученикахъ. Строго относясь самъ, по принципамъ, къ своимъ обязанностямъ, онъ иногда ловко давалъ замѣтить свое неудовольствіе другимъ, если видѣлъ въ комъ либо несправныя отношенія къ дѣлу. Бывало, если ктонибудь изъ учителей засидится послѣ звонка въ учительской комнатѣ, онъ, покойный, непременно пройдетъ по корридору мимо свободнаго класса, спроситъ, чей урокъ не занятъ, и, разглагольствуя своею росписаніемъ уроковъ, справится, и действительно ли такъ. А сидѣвшійся учитель, хорошо понимая значеніе смотрѣнія его на росписаніе уроковъ, обыкновенно сей часъ же поднимался и отправлялся въ классъ.

Мы живо помнимъ, говоритъ г. М., и никогда не забудемъ, какое оживленіе вносило покойный собою въ наши учительскія бесѣды, въ которыхъ онъ всегда принималъ самое дѣятельное участіе. Онъ являлся среди насъ каждый день. Его бесѣда была увлекательна, онъ очаровывалъ прелестью своей бесѣды, владелъ способностію говорить безъ умолку. Въ его характерѣ, въ его натурѣ жила какая-то необъяснимая сила, которая подобно магниту влекла къ нему и приковывала на всегда умы и сердца тѣхъ, кто имѣлъ случай даже разъ только видѣться и поговорить съ нимъ въ обществѣ, или наединѣ. Съ труппою непоминаемъ мы его блѣдный, совершенно исхудавшій образъ; смерть уже носилась надъ нимъ; онъ сидѣлъ въ учительской комнатѣ среди насъ задумчивымъ или молчаливымъ; во время какой либо вопроса былъ близокъ его сердцу, онъ

оживлялся, начиналъ говорить и его рѣчи всегда отличались здоровымъ сужденіемъ, его доказательства были логичны и убедительны, его стремленія всегда дышали благородствомъ. Всякая несправедливость его сильно возмущала и волновала. Напряженное душевное состояніе его, которое естественно вызывалось отпращиваніемъ сложной обязанности воспитанія болѣе 300 учениковъ—дѣтей и постоянное, непривычное для него, столкновеніе съ различными экономическими дѣлами сильно повліяли на разстройство его нервной системы. Въ 1881-мъ году Евфимъ Максимовича постигла тяжкая болѣзнь, которая и тогда еще внушала серьезныя опасенія за продолженіе его многоплодной дѣятельности. Но providѣніе спасло его. Всѣ любившіе и почитавшіе покойнаго просили его поберегъся и не слишкомъ утомлять себя кропотливою дѣятельностію. Но онъ умѣлъ работать, и не умѣлъ отдыхать; онъ не послушался никого, по съ новымъ жаромъ принялся за разностороннія дѣла училища; надорванныя силы его не выдержали... въ прошломъ году его снова постигла внезапная тяжкая четырехмѣсячная болѣзнь. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ снова заболѣлъ, заболѣлъ онъ же послѣдній разъ. Уже больной, онъ продолжалъ заниматься дѣлами, и только настоятельная просьба сослуживцевъ побудила его оставить дѣла. Но и въ болѣзни онъ не переставалъ справляться о дѣлахъ училища; его безпокоила мысль, что онъ, вѣдь, не дѣлая, получаетъ жалованье; вѣдь дармоѣдъ теперь! говорить покойный за два дня до смерти.

За свои труды Евфимій Максимовичъ получалъ слѣдующія награды: въ 1865 г. скуфью, въ 1868 г. камлавку, въ 1871 г. признательности сархіала начальства за усердную службу въ женск. духовномъ училищѣ; въ 1872 г. золотой наперстный крестъ, въ 1875 г. орденъ св. Анны 3-й степени, а въ 1878 г. тотъ же орденъ 2-й степени.

Какъ только стало извѣстно о смерти кафедральнаго протоіерея Евфимія Максимовича Пучковскаго, изъ собора по-

славо было священническое облаченіе для него и ключаремъ собора сдѣлано распоряженіе о безпрерывномъ чтеніи евангелія діаконами г. Чернигова около тѣла покойника. Въ 12 часовъ дня, 23 Января, протоіереемъ Григоріемъ Діаконовымъ, соборнѣ со всѣмъ духовенствомъ г. Чернигова, въ квартирѣ покойника, отслужена была о упокоеніи души новопреставленнаго панихида. При этомъ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Громадная забота не вмѣщала лицъ, желавшихъ помолиться объ усопшемъ.

24 Января, въ 2 часа дня, послѣдовалъ выносъ покойника изъ квартиры его въ кафедральный Борисо-Гдѣбскій соборъ. Ко времени выноса собрались въ квартиру и около квартиры покойника: духовенство г. Чернигова, корпорація преподавателей семинаріи, преподаватели мужскаго духовнаго училища, воспитанники семинаріи, мужскаго духовнаго училища, воспитанницы епархіальнаго женскаго училища и множество народа. Настоятель Елецкаго монастыря, Архимандритъ Тихонъ, соборнѣ со всѣмъ Черниговскимъ духовенствомъ, отслужилъ литію и окропилъ святою водою гробъ для умершаго. Положили въ гробъ тѣло покойника и послѣдовалъ выносъ его изъ училищнаго дома на училищный дворъ. Здѣсь гробъ поставленъ былъ на носилки. Архимандритомъ Тихономъ прочитано было заупокойное евангеліе. Начался погребальный звонъ сначала на колокольнѣ Елецкаго монастыря, а потомъ и во всѣхъ церквахъ г. Чернигова. Звонъ этотъ продолжался, пока гробъ съ покойникомъ внесенъ былъ въ соборъ. Отъ училищнаго корпуса по дорогѣ до воротъ и заворотами стояли рядами, по обѣ стороны дороги, ученики училища и духовной семинаріи. Между этими рядами погребальной шестіе направлялось въ такомъ порядкѣ: впереди несенъ былъ заире-стольный крестъ; за тѣмъ четыре хоругви, по двѣ въ рядѣ. Два вѣлика большіе изъ живой зелени Ордева, магистерскій и наперстный кресты покойника на бархатныхъ подушкахъ. Крышка гроба на крышкѣ гроба шли пѣвчіе архіерейскаго

хора по два иерарды. За псалмичи шло по два въ рядѣ іеродіаконы, діаконы, іеромонахи, священники, протоіерей и архимандритъ. За архимандритомъ шло протоіакоу, за которымъ преподавателями училища несено было гробъ съ снокой никои. По сторонамъ проба, приметники въ стихаряхъ несли два хоругви. За гробомъ шли жена, дѣти и родственники умершаго протоіерей, также—ученики семинаріи и училища и множество народа. На пути шестия прочитано было шестъ евангелій, за которыми протоіакоу произносилъ краткую заучую сноку и текенію и вѣдную память. Гробъ внесенъ былъ въ соборъ и поставленъ на носилкахъ среди церкви. Отслужена заучокой нарядитія. Положены были на гробъ три большихъ и одинъ оцалый вѣнокъ, всѣ изъ живой зелени. На одномъ изъ вѣнковъ лежала атласная широкая лента, на которой напечатаны были обобщаю разы брабуквами словаткомъ дитей—*учетиковъ училища любимому начальнику*. На другомъ вѣнѣ тоже на широкой шелковой лентѣ была надпись: *Отъ сослуживцевъ и училщю искрення признате льность неизбвенному начальнику*. На третьемъ самомъ обобщемъ вѣнѣ, по широкой шелковой лентѣ, была надпись: *Отъ воспитанниковъ Черниговской духовной семинаріи*. 25 Генваря 1883 года, ка обдралюму протоіерей Евфимію Шурковскому, бывшему любимому у насъ муръ профессору. На четвертомъ вѣнѣ, отъ воспитанницъ епархіального женскаго училища не было никакой надписи. Тотъ же годъ 25 Генваря, въ 9 часъ дня, къ приблѣвъ въ соборъ Преосвященный Веніаминъ, по совершилъ заучоковую литургію, въ сослужеріи архимандрита Тихона и двоихъ кафедрального протоіерей: Пр. Діакоу и священниковъ соборныхъ: ключаря Іоу Вуримова, Преосвященнаго Стефановскаго, Іоу Клябальчича и Вознесенской церкви А. А. Виницаго. На литургіи, кдво ввремя причастлаго стиха, священникомъ І. Клябальчичемъ сказано было надробное слово. После литургіи, Преосвященный и іерей Веніаминъ, по участиі всего духовенства гдво Чернигова, совершилъ надъ гробъ

тоіереемъ Евфиміемъ Максимовичемъ Пучковскимъ чинитъ священническаго погребенія. Во время погребенія, въ разное время, произнесено было А рѣши надъ покойникомъ, протоіереемъ Г. Діаконовымъ, преподавателемъ семинаріи А. Вышневскимъ, помощникомъ смотрителя училища Н. Зяньковымъ и ученикомъ VI класса семинаріи. Церковь была полна народа. Здѣсь были начальствующіе и преподаватели семинаріи и ученики мужскаго и женскаго, также воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній и многія стороннія лица — почитатели покойника. Протоіерей Е. М. Пучковский погребенъ на погостѣ собора съ правой стороны алтара Борисо-Глѣбскаго храма.

Чудесное исцѣленіе ребенка.

Повинуясь голосу святой церкви, которая заповѣдуетъ: *„не скрывать словесе Божія, но возвести чудеса Его, и рѣшился помѣстить на страницахъ „Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“* рассказъ очевидицы женщинъ, моихъ прихожанокъ, о чудесномъ исцѣленіи одной казачьей дѣвочки, случившимся 28 числа мѣсяца августа 1882 года.

Вдова Гусева, жительница нашей Казанской станицы, вѣстѣ съ другими богомольцами отправилась съ своей больной 8 лѣтней падчерицей на богомолье въ сосѣдній Донецкій Воронежскій монастырь. Подъ 29 числа августа вечеромъ эта вдова — казачка пришла въ монастырскую церковь и привнесла съ собой падчерицу-калѣку. Приложившись къ св. иконамъ, матица положила ребенка у подножія чудотворной иконы св. Іоанна Крестителя и за тѣмъ, послѣ вечерни, попросила оцероднаго іеромонаха отслужить молебенъ св. Іоанну Крестителю, сама же стала горячо молиться объ исцѣленіи дочери. Ребенокъ съ сухими руками и сведенными назадъ ножками кое какъ, лежа, началъ переворачиваться и касаться спущенной съ иконы пелены. Іеромонахъ же продолжалъ служить молебенъ, и когда

вышелъ читать евангеліе, то лежавшая на полу дѣвочка калѣ-
ка, прежде, соврѣмени рожденія своего, не могла сдвинуться
съ мѣста, вдругъ встала и одна безъ посторонней помощи начала
ходить. Пораженный вѣсть съ другими молившимися этимъ чу-
домъ надъ калѣкою, ермонахъ, въ благовѣрныхъ чувствахъ къ
такому необычайному событію, послѣ молебна взялъ просфо-
ру и подзвалъ къ себѣ исцѣляемую: она свободно подошла
къ нему и взяла просфору. Потомъ и многіе изъ присутствую-
щихъ въ храмъ начали поочередно подзывать дѣвочку и она
также свободно къ нимъ подходила. Всѣ дивились такому
очевидному проявленію чудодѣйственной силы Божіей и бла-
годарили Господа за Его неизреченныя милости, изливаемыя
на всѣхъ, съ искреннею вѣрою къ Нему прибѣгающихъ.

Священникъ Х. С—въ.

Открыта подписка на художественное общедоступное изданіе.
Картиное описаніе священ. коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕ-
ЛИЧЕСТВЪ.

Все изданіе составитъ изящный альбомъ, предназначенный
служить воспоминаніемъ о торжествѣ священнаго коронованія.
При картинномъ описаніи священ. коронованія прилагаются
безплатно *хромолитографическія портреты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ*
ВЕЛИЧЕСТВЪ, (но выдаются только подписавшимся до 15-го мая).

Подписная цѣна на „Картиное описаніе св. коронованія“
1 р. 50 коп. съ перес. Подписка принимается въ редакціи
журнала „Иллюстрированнаго міра“ въ С.-Петербургѣ, по
Николаев. улицѣ, д. № 48.

Вышли въ свѣтъ новыми изданіями слѣдующія книги.

1) **Воскресныя и праздничныя вѣбогослужебныя собесѣдованія**, какъ особый видъ церковно-народной проповѣди. Изданіе второе, значительно дополненное. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 40 к.

Въ настоящей книгѣ сообщаются и подробные рассказы и краткія извѣстія касательно того, гдѣ и какъ ведутся вѣбогослужебныя собесѣдованія, при чемъ, по мѣрѣ надобности, приводятся и самые образцы бесѣдъ, чтобы такимъ образомъ изъ самыхъ опытовъ собесѣдованій могли быть извлекаемы руководящія начала для наиболѣе правильнаго и успѣшнаго веденія ихъ.

2) **Избранныя поученія на разные случаи**. Изд. второе. Ц. 1 р. 40 к. съ перес. 1 р. 60 к.

Содержаніе названнаго сборника по самому предмету своему весьма разнообразно. Въ началѣ помѣщены поученія о личныхъ отношеніяхъ пастыря къ прихожанамъ — при поступленіи на приходъ, противъ обычнаго недовольства прихожанъ, прощальныя рѣчи... Далѣе идетъ рядъ поученій противъ сектантской пропаганды въ православномъ народѣ — въ предохраненіе отъ раскола, противъ штундистовъ, шалопутовъ, такъ называемыхъ «людей божіихъ» и «странниковъ», противъ кедейныхъ сборищъ, безчинныхъ обычаевъ и т. п. За тѣмъ слѣдуютъ поученія при обращеніи къ православію раскольниковъ, евреевъ, чютеранъ. Поученія при крещеніи младенцевъ; рѣчи новобрачнымъ. Надгробныя рѣчи. Рядъ поученій при освященіи, обновленіи и украшеніи храмовъ; — при открытіи училищъ, при началѣ и окончаніи ученія въ народныхъ школахъ. О почитаніи властей и противъ лжеученія анархистовъ. Рѣчи къ новобранцамъ при вынутіи жеребья и приведеніи къ присягѣ. Краткія поученія къ свидѣтелямъ предъ присягой. По-

ученія къ сельскимъ прихожанамъ по уборкѣ хлѣба, послѣ сѣнокоса, по случаю молельствія на поляхъ, неурожая, пожара, повальныхъ болѣзней и т. п.

3) **Святель.** Сборникъ проповѣдей, приспособленныхъ къ пониманію и жизни простаго народа. Изданіе шестое. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 коп.

Требованія адресовать, въ городъ Воронежъ: преподавателю Семинаріи Василю Абрамовичу Маврицкому.

По тому же адресу могутъ быть выписываемы слѣдующія книги:

4) **Церковное благоустройство.** Руководство для распоряженія по духовному ведомству и разъясненія по вопросамъ церковной практики. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

5) **Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики.** Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

6) **Избранныя поученія на дни воскресныя и праздничныя.** 1882 г. Ц. 1 р. 30 к. съ пер. 1 р. 50 к.

При требованіи четырехъ и болѣе экземпляровъ пересылка даромъ. При требованіи не менѣе десяти экземпляровъ сверхъ даровой пересылки, уступка 10%. При требованіи двадцати и болѣе экземпляровъ уступка 20%.

Слово на Благовѣщеніе Пр. Богородицы. — Два доктора. — Некрологи. — Евф. Мак. Пучковскій. — Чудесное исцѣленіе ребенка. — Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Маш. дов. Цензоръ Магистръ, Протоіерей П. Палицынъ. Маш. 1 дня 1883 года

Воронежъ: Типографія В. Шенкевича